

О. КУУСИНЕН

ФИНИЯНДИЯ
БЕЗ МАСКИ

ОГИЗ·ГОСПОЛИТИЗДАТ
1943

О. КУУСПИНЕН

ФИНЛЯНДИЯ БЕЗ МАСКИ

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1943

I ИСТОКИ АНТИСОВЕТСКОЙ ПОЛИТИКИ ФИНЛЯНДИИ

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
I. ИСТОКИ АНТИСОВЕТСКОЙ ПОЛИТИКИ ФИНЛЯНДИИ	
1. Шовинизм особого рода	3
2. Страх перед своим народом	4
3. Алчность финской плутократии	8
II. КАК ФИНЛЯНДИЯ ВПРИГЛАСЬ В ВОЕННУЮ КОЛЕСНИЦУ ГЕРМАНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА	
1. Экономические узы	12
2. Политические узы	14
3. Подготовка антисоветской войны	18
4. Включение Финляндии в войну Гитлера	23
III. ГИТЛЕРИЗОВАННАЯ ФИНЛЯНДИЯ	
1. Как немцы высасывают соки из тела Финляндии	28
2. Немецкие хозяева и финские лакеи	32
3. Двухличие в целях перестраховки	33
4. «Демократия» во вкусе гитлеровцев	37
5. Экономический кризис	44
6. Голод	49
7. Отчаяние и моральное разложение	54
IV. ПЕРСПЕКТИВЫ БОРЬБЫ ЗА ЛИКВИДАЦИЮ ГИТЛЕРИЗМА В ФИНЛЯНДИИ	
1. Рост возмущения и активного сопротивления трудящихся	56
2. Рост недовольства в рядах армии	61
3. Ненависть и борьба народа Карело-Финской ССР	68
4. Растревоженность и распри в правящем лагере Финляндии	74
5. Обречённость фашистской авантуры	79

Редактор Р. Магид

Подписано в печать 17 сентября 1943 г. А 1646. Объём 5 п. л. Тираж 40 000 экз.
Заказ № 1451. Цена 1 руб.

3-я типография «Красный пролетарий» Огиза РСФСР треста «Полиграфкнига».
Москва, Краснопролетарская, 16.

1. Шовинизм особого рода

Нет другой такой страны, которая в течение четверти века столь последовательно и упорно, как Финляндия, проводила бы антисоветскую политику. В общей внешнеполитической ориентации Финляндии бывало немало перемен, но при всех этих переменах правящая в Финляндии клика всегда устремлялась, как устремляется стрелка компаса к северу, в объятия тех государств и правительств, которые на данном этапе занимали враждебную по отношению к СССР позицию.

Чем объясняется такое упорство правящих кругов Финляндии в их враждебности к Советскому Союзу?

Мало сказать, что это проявление шовинизма. Бесспорно, господствующая плутократия Финляндии проникнута ярым шовинизмом. Но её шовинизм — явление, требующее особого объяснения.

Финские шовинисты всегда выступают как представители старого финского национализма, проповедовавшего «наследственную» национальную ненависть ко всем русским. Они говорят: «Русь — исконный враг Финляндии». Но это — фальшивая, демагогическая поза. В действительности они ненавидят не *всех* русских. С русскими белогвардейцами, белоэмигрантами правящие круги Финляндии прекрасно уживаются. С ними они сразу после Октябрьской революции 1917 года «сработались» и всё время дружно сотрудничают. Националистическая же демагогия, направленная против «всех русских», заправилам Финляндии нужна для того, чтобы заряжать своим антисоветским шовинизмом более широкие круги населения, раздувая их недоверие к русским, унаследованное со времён царского гнёта.

В известной мере это финским шовинистам удалось. Осенью 1939 года в начале 3-месячной финско-советской войны значительные слои населения Финляндии были охвачены шовинистическим угаром: не только капиталисты, помещики, кулаки, чиновники, но и некоторая часть трудового народа. Главным

же носителем и активным распространителем шовинизма всегда являлась реакционная верхушка финской буржуазии, господствующая плутократия вместе со своей наёмной агентурой (к последней относятся аппарат и печать буржуазных и социал-демократической партий, шюцкоровцы, кадровые офицеры армии и др.).

Весьма характерным для финского шовинизма является то, что его главные носители принадлежат к тем кругам финской буржуазии, которые в период царского гнёта отличились не национализмом, а предательством национальных интересов. Именно те финские политики (так называемые суометарианцы), которые оптом и в розницу продавали интересы своего народа царизму, которые больше других пресмыкались перед русскими генерал-губернаторами, после Октябрьской революции сразу перерядились и стали выступать в роли самых патентованных «патриотов», громче всех кричали, что, мол, «все русские являются угнетателями и наследственными врагами финского народа».

В тогу крайних финских националистов переоделись и Маннергейм и ряд других царских офицеров, которые родом были из Финляндии, но успели даже забыть финский язык, ибо всю жизнь служили в России в качестве вернейших слуг царизма. После того как Великая Октябрьская революция прекратила их карьеру в России, они переехали в Финляндию и стали финскими шовинистами.

Ясно, что шовинизм, рождённый путём таких быстрых преобразений,— шовинизм особого сорта.

Рассмотрим, каковы истоки этого шовинизма.

2. Страх перед своим народом

Господствующая плутократия Финляндии — это численно небольшая клика злейших эксплоататоров и угнетателей трудящихся масс, реакционная шайка, которая никогда не была бы в состоянии удерживать власть в своих руках без поддержки извне и чрезвычайного аппарата насилия внутри страны.

При царском режиме верхушка финляндской буржуазии властвовала олираясь на штыки русского царизма. И в то же время царизм в своей политике угнетения финского народа опирался на эту наиболее реакционную часть финской буржуазии. Между ними существовало сотрудничество в целях закабаления и порабощения народных масс Финляндии. Бывали и трения между ними, но они касались лишь второстепен-

ных вопросов. В деле подавления классовой борьбы пролетариата и волнений народных масс Финляндии царизм и финская плутократия всегда действовали сообща.

Бывали и такие случаи, когда финские плутократы требовали от царизма усиления расправы с народными массами Финляндии. Я помню, например, дни всеобщей политической забастовки в ноябре 1905 года. Тогда реакционная верхушка буржуазии в Хельсинки прямо умоляла царского генерал-губернатора направить русские войска против безоружной Красной гвардии Финляндии, но царский сатрап не решился на такой шаг, ибо в те дни сам царь был насмерть перепуган мощным революционным наступлением русского рабочего класса. В большинстве случаев, однако, царизм щедро предоставлял финской плутократии всю нужную ей поддержку в борьбе с трудящимися Финляндии.

Когда же царизм под ударами Февральской революции 1917 года пал, «страх одиночества» охватил реакционную буржуазию Финляндии. Ведь у неё не было войск в своём распоряжении. Отряды шюцкоров были тогда малочисленны и столь ненавистны трудящимся массам, что реакционным заправилам страны пришлось организовывать их конспиративно. Рабочий класс Финляндии под влиянием событий в России быстро революционизировался. Сейм не представлял собой достаточно надёжной политической опоры для реакции. Все буржуазные партии вместе взятые занимали лишь половину мест в сейме, а одно время даже немногим менее; социал-демократическая же фракция сейма, несмотря на то, что она в большинстве своём состояла из правых оппортунистов, находилась вследствие активности левых депутатов и нажима революционных рабочих снизу в таком состоянии, что реакционная буржуазия не могла на неё полагаться.

Финляндская плутократия поняла, что Временное правительство России представляло для неё весьма ненадёжную опору. Часть финских националистов уже тогда связалась с Германией в поисках новой внешней опоры, а пока эти поиски не привели к результатам, господствующая плутократия отчаянно держалась за Временное правительство Керенского.

В свете этих обстоятельств вполне понятен смысл той острой борьбы, которая разыгралась в финляндском сейме весной и летом 1917 года. Мы, левые рабочие депутаты, с одобрения Ленина, боролись за право финского народа на самоопределение. Реакционные буржуазные партии с огромным упорством отстаивали сохранение старой опеки российской монархии над Финляндией. Когда же нам, наконец, удалось собрать в сейме большинство голосов за принятие законо-

проекта, отменяющего эту вековую опеку, финские реакционеры обратились к правительству Керенского и добились роспуска сейма. Они боялись независимости Финляндии, ибо боялись лишиться своей последней опоры в лице верховной власти России.

Но Временное правительство Керенского пало 7 ноября 1917 года. Великая Октябрьская социалистическая революция, руководимая партией большевиков, превратила Россию в Советское государство рабочих и крестьян.

Трудящиеся массы Финляндии восприняли победу Октябрьской революции как самое счастливое и радостное событие. Реакционная же буржуазия восприняла её как страшное бедствие.

Было совершенно ясно, что победа социалистической революции в России открывает для финского народа возможность самостоятельной, свободной жизни и счастливого добровольного содружества с великим русским народом. Известно, что партия большевиков всегда отстаивала право наций на самоопределение. В ноябре 1917 года, сразу же после Октябрьской революции, представитель советского правительства, народный комиссар по делам национальностей товарищ И. В. Сталин, будучи в Финляндии на съезде финской социал-демократической партии, провозгласил:

«Полная свобода устроения своей жизни за финляндским, как и за всеми другими народами России! Добровольный и честный союз финляндского народа с народом русским! Никакой опеки, никакого надзора сверху над финляндским народом! Таковы руководящие начала политики Совета Народных Комиссаров»¹.

Таким образом, не могло быть никакого сомнения в готовности советского правительства предоставить Финляндии полное право на самоопределение. Но это, разумеется, не могло успокоить правящую клику финской буржуазии; она боялась независимости Финляндии без внешней опоры, нужной для обеспечения её реакционной власти. Поэтому заправили финской плутократии поспешно обратились к правительству кайзеровской Германии, чтобы в лице германского империализма приобрести для Финляндии нового хозяина, а для себя новую внешнюю опору в борьбе с трудовым народом. Глава реакционного правительства Свинхувуд отправил в Германию бывшего сенатора Э. Ельта с наказом: «Устрой так, чтобы сюда прибыли немцы, иначе мы не справимся».

Германское правительство охотно приняло на себя роль империалистического опекуна Финляндии, но всё же советовало финляндским правителям обратиться к советскому правительству с просьбой предоставить Финляндии независимость. В ответ на обращение финляндского правительства советское правительство 31 декабря 1917 года приняло декрет, подписанный Лениным и Сталиным, о предоставлении Финляндии полной независимости.

«В благодарность» за это великодушие советского правительства правящая клика Финляндии открыто начала проявлять свою враждебность к советскому народу, включившись в контрреволюционные манипуляции русских белогвардейцев против советской власти. Казалось бы, простое благородное должно было подсказать господам из независимой Финляндии не вмешиваться в дела великой соседней страны. Но этого не было. Боясь моц рабочего и крестьянского движения, быстро возраставшего в условиях буржуазной демократии, финские реакционеры смотрели на победу рабоче-крестьянской власти в России как на «опасный пример» для трудящихся Финляндии и поэтому считали себя заинтересованными в борьбе за восстановление власти угнетателей народа в соседней стране.

Не надеясь больше методами буржуазной демократии удержать власть в своих руках, реакционное правительство Свинхувуда в январе 1918 года лихорадочно подготовляло контрреволюционный переворот в стране. В ответ на это финский рабочий класс, твёрдо решив без боя не капитулировать, вступил совместно с мелким крестьянством в революционную борьбу за власть.

В течение трёх месяцев рабочее правительство удерживало в своих руках всю южную Финляндию, и только с помощью немецких кайзеровских войск контрреволюционное правительство добилось в результате ожесточённых боёв разгрома нашей Красной гвардии и насытило свою кровожадность путём неслыханного массового террора.

Известно, что белофинская плутократия вела эту контрреволюционную войну против рабочих и крестьян Финляндии под прикрытием лозунга «освободительной войны Финляндии против российского гнёта». Так как ещё в предыдущем году российский гнёт был ликвидирован Октябрьской революцией, а в конце 1917 года независимость Финляндии была и формально признана советским правительством, то, разумеется, Финляндии незачем было воевать в следующем году за своё «освобождение от российского гнёта».

Такой совершенно лживый лозунг, направленный против

¹ «Правда» от 29 ноября 1917 года.

русского народа и Советского государства, нужен был реакционным заправилам Финляндии для того, чтобы обмануть финских крестьян и городскую мелкую буржуазию. Вместе с тем в этом демагогическом лозунге выражалась воинствующая враждебность белофиннов против советского правительства. Более того, Маннергейм в феврале — марте открыто призывал возглавляемую им белофинскую армию к походу против Ленинграда (тогдашнего Петрограда) и к завоеванию Советской Карелии. Две белофинские экспедиции во главе с капитаном Валлениусом были посланы в Советскую Карелию (в марте 1918 года), но их ещё в пути разгромили финские красногвардейские отряды с помощью местного населения. На поход же против Ленинграда у Маннергейма нехватало сил; правда, осенью того же года банды финских шюцкоровцев вторглись через Эстонию в Ленинградскую область, но там они были разгромлены.

Таким образом, ещё на первом году самостоятельного существования финляндского государства правящая верхушка страны выступила как ярый враг Советского Союза. Её агрессивный, антисоветский шовинизм был с самого начала проникнут неудержимым стремлением всячески добиваться устранения рабоче-крестьянской советской власти в великой соседней стране.

Это безумное стремление правящей клики Финляндии исходило из её болезненно тревожных опасений, что пример достижений трудящихся Советского Союза может поощрять борьбу трудящихся в Финляндии за освобождение от ига plutokratии. Шовинизм заправил Финляндию был и остаётся проявлением антисоветской злобы контрреволюционной шайки, смертельно боящейся своего народа, постоянно беспокоящейся о сохранении своей власти над угнетёнными и эксплуатируемыми массами народа.

В этом первый источник антисоветского шовинизма правящей клики Финляндии. Террористический режим во внутренней политике и антисоветская агрессивность во внешней политике — это не две политики, а лишь две стороны одной и той же политики контрреволюционной plutokратии Финляндии.

3. Алчность финской plutokратии

Второй источник антисоветской политики правящей plutokратии Финляндии состоит в её жадном стремлении захватить в свои руки природные богатства Советской Карелии.

Эти природные богатства многообразны, но предметом важ-

деления финляндской plutokратии являются и являются прежде всего огромные лесные массивы Советской Карелии.

Для того чтобы понять, какую притягательную силу представляют карельские леса для финляндских капиталистов, надо учсть, что львиную долю в промышленном производстве и внешней торговле Финляндии занимает лесная, деревообделочная и целлюлозно-бумажная промышленность. Финляндский экспорт древесины и продукции из древесного сырья по объёму больше, чем соответствующий экспорт из какой-либо другой европейской страны. Он составляет 80—85% всего финляндского экспорта. Значит, лес является основным сырьевым источником развития промышленности и внешней торговли Финляндии. Наиболее крупные акционерные общества и картели лесопромышленников и владельцев целлюлозно-бумажных фабрик, а также тесно связанные с ними крупные частные банки («Национальный акционерный банк» и «Объединённый банк северных стран») — самые влиятельные капиталистические группы Финляндии.

Прибыли этих капиталистических групп особенно высоки. Жестокая эксплоатация рабочих и низкая заработка плата позволяли лесопромышленным акционерным обществам в мирный период регулярно выплачивать своим пайщикам 14—16%, в то время как соответствующие общества скандинавских стран получали лишь 8—10%. При этом однако финских лесопромышленников постоянно беспокоит перспектива падения их прибылей. Дело в том, что лесная промышленность Финляндии чрезвычайно хищнически эксплоатирует не только рабочую силу, но и лесные фонды страны. Ежегодная вырубка леса (около 41 млн. кубометров), особенно в восточной Финляндии, значительно превышает естественный прирост леса. Сужение же сырьевой базы обусловливает будущее сокращение производства и понижение прибылей, — вот в чём беда!

В свете этих фактов вполне понятно, какими алчными взорами лесопромышленники Финляндии смотрели на огромные лесные массивы Советской Карелии. Вот обширное поле для дальнейшей хищнической рубки леса! Вот огромное богатство «зелёного золота»! И всё это так близко — прямо рукой подать! Это изобилие возбудило волчий аппетит не только у лесопромышленников восточной Финляндии, но и у их банков в Хельсинки, у хозяев крупных объединений целлюлозно-бумажных фабрик и у других plutokратов.

Но все эти заманчивые богатства находятся по другую сторону границы, на чужой территории, откуда голыми руками

ни одного бревна нельзя было взять. Что делать? Маннергейм, который весной 1918 года поклялся, что «не вложит свой меч в ножны раньше, чем последний воин Ленина не будет изгнан из Советской Карелии», ничего в этом отношении не добился во время гражданской войны в Финляндии. С осени же 1918 года, после поражения Германии в первой мировой войне, финские плутократы, конечно, и думать не могли о войне против Советской страны. Но в то же время они не могли не думать о захвате карельских земель и лесов. Их алчные вожделения оказались сильнее всех соображений элементарного благородства. Решили отправить в поход сильную «неофициальную» экспедицию. Правительство сделало вид, что ничего об этом походе не знает. Организацию и финансирование экспедиции взяли на себя крупные хельсинкские банки и видные лесопромышленники восточной Финляндии, которые составляли так называемый Карельский комитет — негласное руководство экспедиции. В экспедицию было вовлечено большинство шюцкоров, а вооружение, включая и орудия, выдавалось из складов армии. Командирами стали офицеры финской армии во главе с майором фон Герценом.

Поход экспедиции начался весной 1919 года. Одна из белофинских колонн вторглась на окраины города Петрозаводска, но была там разбита частями Красной Армии и местным населением. Главный штаб белофинской экспедиции, находившийся в Видлице (на берегу Ладожского озера), был в конце июня того же года разгромлен в результате десантной операции, осуществлённой по инициативе товарища Сталина, который тогда руководил обороной Петрограда. В телеграмме Ленину от 28 июня 1919 года товарищ Сталин сообщил:

«Сегодня наши части при поддержке нашего Ладожского флота внезапным ударом овладели Видлицким заводом у границы Финляндии, захватили 11 орудий, богатые артиллерийские и продовольственные склады»¹.

Однако от этого удара финские капиталисты, глубоко зачарованные лесом (чужим лесом!), ещё не прозрели. Правда, правительство в следующем году (14 октября 1920 года) подписало мирный договор между Финляндией и РСФСР, но одновременно по всей Финляндии велась вербовка добровольцев для новой военной экспедиции в Советскую Карелию.

После всесторонней подготовки в ноябре 1921 года много-

численные, сильно вооружённые отряды новой экспедиции отправились в поход на Карелию, но уже через 2—3 месяца они были разбиты частями Красной Армии. Вошедший в историю героический отряд лыжников-финнов из Интернациональной военной школы во главе с Тойво Антикайненом, направленный командованием Красной Армии в глубокий тыл врага, внезапным стремительным налётом разгромил главный штаб белофинских захватчиков в деревне Кимасозеро.

Народ Советской Карелии не выпустил из рук природных богатств своего края. Карело-финский народ, получивший при советском строе полную свободу для своего экономического и культурного развития, и до этих захватнических походов белофиннов и слушать не хотел националистических призывов заправил Финляндии, которые плавились в роли «освободителей братьев-соплеменников» Советской Карелии. Но лишь во время этих бандитских походов карело-финский народ по-настоящему узнал хищническую натуру самозванных белофинских «освободителей».

Он увидел своими глазами, что эти мнимые рыцари «священной частной собственности» на деле являются разбойниками, жадно покушающимися на чужую собственность. Он видел на сотнях примеров, что эти мнимые представители «западной цивилизации» на деле бесчинствуют хуже всяких варваров.

Он увидел также, что заправили Финляндию и их оруженосцы не только презирают карело-финских «братьев-соплеменников», но намерены их истребить, если они не захотят склонить свою шею под ярмо финской плутократии.

Неудивительно поэтому, что народ Советской Карелии ещё в те времена с обнажённым мечом встретил вторгнувшихся из Финляндии завоевателей, которые по примеру Маннергейма кричали о создании «великой Финляндии». Только продажные, эксплоататорские элементы, оторванные от народных масс негодия, пошли на службу к белофинским господам.

Карело-финский народ уже тогда по опыту распознал, что «великая Финляндия» — это малый, но ненасытный хищник с огромной пастью, готовый проглотить любые наши природные богатства и прежде всего наше «зелёное золото».

В то время хищник вынужден был временно отказаться от попыток осуществления своих захватнических планов. Но от самых этих планов он не отказался.

Вот истоки антисоветского шовинизма правителей Финляндии. С самого начала это был, по существу, шовинизм фашистского толка:

¹ «Большевик» № 2 за 1938 год.

КАК ФИНЛЯНДИЯ ВПРЯГЛАСЬ В ВОЕННУЮ КОЛЕСНИЦУ ГЕРМАНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА

1. Экономические узы

Впрячь Финляндию в военную колесницу германского империализма было делом длительным, которое в течение целого ряда лет подготавлилось путём связывания Финляндии с Германией экономическими и политическими узами.

С самого начала существования независимого финляндского государства заправили Финляндию бойкотировали развитие торговых отношений с Советским Союзом, хотя интересы народного хозяйства Финляндии явно требовали широчайшего развития товарообмена с СССР.

В дооктябрьский период российский рынок занимал первое место во внешней торговле Финляндии. Из России Финляндия ввозила хлеб, уголь, нефть и разного рода сырьё. В Россию направлялась одна треть всего экспорта Финляндии. Вся вывозимая из страны бумага продавалась в Россию, и металлообрабатывающая промышленность Финляндии также развивалась главным образом благодаря заказам России.

Ещё большее значение для Финляндии могло бы получить развертывание товарообмена с Советским Союзом после 1917 года. Если бы Финляндия поддерживала вполне нормальные, добрососедские отношения с СССР, то Советский Союз, несомненно, мог бы покупать минимум две трети её экспортных товаров и продавать Финляндии на выгодных для неё условиях не менее четырёх пятых всех нужных ей импортных товаров. Совершенно ясно, что такой размах советско-финских торговых отношений имел бы огромное значение для развития народного хозяйства Финляндии. Но правящая плутократия Финляндии по этому пути не пошла, так как это принесло бы некоторую пользу также и Советскому Союзу. По-быччи упорствуя в своей антисоветской позиции, она предпочитала вообще бойкотировать развитие торговли с СССР, вследствие чего эта торговля из года в год держалась на ничтожном уровне (не более 2—3% внешней торговли Финляндии). Экономическое развитие великой советской страны, конечно, легко обошлось и без торговых взаимоотношений с финскими капиталистами, но Финляндии это бойкотирование стоило дорого.

Компенсацию за потерю российского рынка финляндская плутократия искала прежде всего в Германии. Что же получилось?

Во-первых, немцы требовали в качестве платы за военную помощь, оказываемую финляндской контреволюцией, подчинения Финляндии как в экономическом, так и в политическом отношениях империалистической Германии. Они согласились в 1918 году выслать немецкие войска на палаческую службу в Финляндию только после того, как от имени Финляндии в Берлине был подписан кабальный «торговый и мирный договор». Даже консервативные буржуазные историки, как Шюбергсон, не могли оценить этот договор иначе как акт вымогательства, который «сделал Финляндию в политическом и экономическом отношениях зависимой от Германии». Только последовавшее через полгода поражение германского империализма в мировой войне избавило Финляндию от этого кабального договора.

Во-вторых, поиски рынка сбыта для финляндского экспорта в Германии в последующий период оказались тщетными. Вместо увеличения финляндского экспорта в Германию получилось его сокращение по сравнению с довоенным периодом. Зато Финляндия наводнялась германскими товарами, большей частью совершенно ненужными для развития народного хозяйства Финляндии. Так, например, в 1929 году германские товары составляли 38% всего импорта Финляндии, а вывоз финляндских товаров в Германию составлял лишь 14% экспорта Финляндии.

Значит немецкие капиталисты продавали Финляндию охотно и много, но покупать у Финляндии не хотели. Это, разумеется, создало дополнительные затруднения для развития промышленности в Финляндии. Особенно страдало развитие машиностроительной промышленности от немецкой конкуренции и полного отсутствия внешнего рынка сбыта. Для сбыта древесины, бумаги и целлюлозы Финляндия с трудом нашла себе покупателей в отдалённых странах — вплоть до Америки; машины же Америка, разумеется, покупать у Финляндии не стала.

Таким образом Финляндия превращалась в основном в рынок сбыта для Германии. Немецкие капиталисты от этого выиграли — они доили Финляндию, как корову. Финляндские купцы-импортеры также не остались без своей доли прибыли. Но всё это делалось за счёт финского народа, в ущерб интересам народного хозяйства Финляндии. Дело дошло до такого абсурда, что Финляндия, нуждаясь в ввозе хлеба, но не желая покупать хлеб у Советского Союза, покупала этот же советский экспортный хлеб в Германии, переплачивая

немецким перекупщикам 50 пфеннигов за каждый килограмм, и, конечно, разрешала финским купцам наживаться с лихвой за счёт финских потребителей. Вот характерное экономическое выражение тупоумной антисоветской злобы финской плутократии.

2. Политические узы

Для закрепления зависимости Финляндии от Германии германское правительство в 1918 году настаивало, чтобы один из немецких принцев (зять кайзера Вильгельма) был провозглашён королём Финляндии. В финляндском сейме много спорили по этому вопросу, однако большинство сейма 9 октября избрало этого представителя германского империализма «королём Финляндии и Карелии». Новоиспечённый «король» уже находился на хельсинкском рейде — в пути к своим покорным подданным, когда было получено сообщение о капитуляции немецких войск на Западном фронте. Это сообщение стоило ему финляндского «трона» — «королю» пришлось на этом же корабле возвратиться во-свои домой.

После этого политические отношения Финляндии с Германией в течение десятка лет оставались более или менее «платоническими». Буржуазно-демократическая Германия, занятая по горло своими внутренними делами, не могла представлять особой опоры для финляндской реакции. Кроме того, финским реакционерам отнюдь не нравился внутриполитический режим Германии того времени. Хотя и в Германии немало преследовали революционных рабочих, но всё же такого беззакония и жандармско-шюцковского засилия, как в Финляндии, там тогда не было. Коммунистическая партия в Германии имела возможность работать легально, и парламентский режим грубым нарушениям не подвергался. В Финляндии же коммунистическая партия всё время была запрещена, и всех коммунистов, которых удавалось захватить, присуждали к тюремному заключению, нередко зверски истязая их в застенках охранки. И преследовали не только коммунистов. Сочувствующая коммунизму массовая Социалистическая рабочая партия, образовавшаяся в 1920 году в результате откола от финской социал-демократической партии, была распущена в 1923 году, все её газеты были закрыты и сотни её активистов, в том числе и депутаты парламента, арестованы. Понятно, что носители столь реакционного режима считали даже германскую, полицейски ограниченную парламентскую «свободу» дурным примером для финского народа.

Когда же в Германии фашистское движение Гитлера получило «ветер под крылья», т. е. когда немецкие крупные капиталисты (Тиссен и др.) начали финансировать гитлеровскую банду, благодаря чему она могла развёртываться и вооружаться, — тогда и финские черносотенцы вступили в связь с гитлеровцами, сперва конспиративно, а затем открыто. В Финляндии начали широко популяризовать германское фашистское движение, особенно среди шюцковцев, студенчества и деревенской буржуазии, и вскоре организовали особую агентуру гитлеризма — так называемое «лапуское движение».

Ядро этой фашистской организации составляли орудовавшая в северной Финляндии (с центром в селе Лапуа) бандитская группа шюцковцев и действовавшее в Хельсинки «Академическое карельское общество», созданное для шовинистической пропаганды за захват Советской Карелии. То, что эти сами по себе небольшие фашистские группы, не имеющие массового влияния, быстро добились весьма сильного подъёма фашистского наступления в Финляндии, объясняется прежде всего двумя обстоятельствами.

Во-первых, фашистскому движению содействовало существование в Финляндии такой сильной контрреволюционной организации, как шюцкор. Первые шюцкоры («охранные дружины») были созданы в 1905 году для вооружённой борьбы против Красной гвардии. В 1918 году, после поражения революции, контрреволюционные власти организовали шюцкоры не только в каждом городе и селе, но и в каждой деревне. Это военизированная организация, по сути дела жандармерия, но гораздо более широкая, охватывающая не только профессиональные шюцковские кадры, но и свыше сотни тысяч не освобождённых от своих обычных профессий вооружённых дружинников и младших командиров. Наряду с полицейскими силами и жандармерией правительства шюцкоры служат реакционной буржуазии Финляндии для постоянного терроризирования, трудящегося населения. Естественно, что в такой контрреволюционной организации фашистское движение сразу нашло не только плодородную политическую почву, но и готовую вооружённую базу. Все участники лапуского движения, вообще все фашисты Финляндии, как правило, состояли и состоят в шюцковских дружинах либо на командных постах, либо рядовыми.

Во-вторых, мировой экономический кризис, возникший в 1929 году, создал для финляндской плутократии настолько большие затруднения, что она решила прибегнуть к террори-

стическому фашистскому наступлению, с тем чтобы переложить издержки кризиса на рабочий класс и крестьянство.

Экспорт древесины из Финляндии, составлявший в 1928 году полтора миллиона стандартов, упал в последующие два года на 600 тыс. стандартов. В то же время производство текстильной промышленности понизилось на 30% и металлообрабатывающей промышленности — на 40%. Это означало чувствительное сокращение прибылей финской плутократии.

Причину своих затруднений она видела не в капиталистической системе, не в мировом экономическом кризисе, а в нежелании финских рабочих мириться с понижением заработной платы. Она обвиняла также советское правительство, которое продавало на международном рынке лесоматериалы лучшего качества, чем финские экспортёры. Как раз в это время (в 1929 году) советское правительство предложило финляндским предприятиям крупный заказ на строительство речных пароходов и буксиров. Однако, несмотря на отсутствие работы на финских верфях, Финляндия не приняла этого исключительно выгодного заказа, который потом был передан в Швецию. Вместо экономического сотрудничества с Советским Союзом финляндская плутократия подняла в печати яростную антисоветскую кампанию и решила мобилизовать лапуаских бандитов на разгром профсоюзов и всех левых рабочих организаций.

Это делалось так: руководство лапуаским движением взяло в свои руки генштаб финляндской армии; начальник генштаба генерал Валлениус стал верховным организатором последующих массовых фашистских бесчинств. Директоры хельсинкских крупных банков взяли на себя функцию «финляндских тицсенов», т. е. финансировали бандитские операции лапуасцев.

Революционное рабочее движение в Финляндии имело в то время довольно широкое массовое влияние. Единый фронт коммунистов и других классово сознательных рабочих завоевал в период 1924—1929 годов в профсоюзном движении настолько широкое влияние, что социал-демократическая партия решила отколоть своих сторонников от старой профсоюзной организации Финляндии и создать свои профсоюзы. Лишь 10 тыс. человек пошли в социал-демократические профсоюзы, между тем как в старых профсоюзах остались 90 тыс. человек. В то же время в разных легальных формах были созданы и политические массовые организации единого пролетарского фронта. Взамен распущенной правительством в 1923 году Социалистической рабочей партии был организован избирательный комитет «Социалистических рабочих и

мелких крестьян», который на парламентских выборах завоевал 23 места (из 200). Левое легальное рабочее движение имело ряд газет, боровшихся против реакционной внутренней и антисоветской внешней политики правительства и социал-демократической партии.

В июне 1930 года одновременно по всей стране начались фашистские налеты лапуасцев, шюцкоровцев, охранников на левое рабочее движение под лозунгом «уничтожения коммунизма». Фашистские бандиты разгромили типографии газет и помещения рабочих организаций, похитили сотни наиболее активных работников социалистического движения и доверенных лиц профсоюзов, избили их, зверски издевались над ними, многих из них убили, а других увезли к восточной границе страны и перебросили на советскую сторону. Левые депутаты парламента — члены фракции Социалистических рабочих и мелких крестьян — были арестованы и осуждены на многолетнее тюремное заключение. Фашистским бандитам удалось поймать и много членов подпольной коммунистической партии; однако большинство их жертв являлось деятелями легального рабочего движения — левыми социалистами, сторонниками единого рабочего фронта.

В связи с бандитскими выступлениями фашистов вся старая профсоюзная организация Финляндии была правительством распущена. В этом и состояла главная непосредственная цель господствующей реакционной плутократии. Теперь в обстановке повсеместного фашистского террора она могла сразу провести резкое снижение заработной платы во всех отраслях промышленности. В большинстве отраслей промышленности зарплата финских рабочих понизилась на 50%, а местами — даже на 60%. Сотни миллионов марок заработала финская плутократия с помощью фашистского террора в 1930 году.

В то же время проводилось экономическое наступление на жизненный уровень крестьянских масс: цены на все товары, покупаемые крестьянством, были высоко взвинчены, банки отказались отсрочить уплату долгов и процентов крестьянам, объединение лесопромышленников провело резкое понижение цен на покупаемый у крестьян лес. В результате таких мероприятий разорение крестьянства сильно ускорилось; в 1930—1933 годах тысячи крестьянских дворов были проданы с молотка.

Лапуаские фашисты, выполнив кровавое задание правящей плутократии, попытались в 1932 году захватить власть. Но организованный ими театральный «мятеж» был ликвидирован правительством без единого выстрела. Это показало воочию,

что финляндские фашисты бывали сильны только тогда, когда они действовали по поручению правящей plutokратии, действовав же без её санкции, они оказались совсем беспомощными. После этого лапуаская фашистская группа переименовалась в партию ИКЛ (означает «Отечественное народное движение») и стала участвовать в парламентских выборах сперва совместно с Коалиционной партией, а затем отдельно. В сейме, как и вне сейма, партия ИКЛ проводила подрывную работу против всех остатков парламентаризма, требуя установления полной фашистской диктатуры.

Партия ИКЛ никогда не скрывала и не скрывает своей политической близости к германскому фашизму. Конечно, «пятая колонна» германского фашизма в Финляндии шире, чем партия ИКЛ. Но эта партия является прямой партийной агентурой гитлеровцев в Финляндии. Она не только вела постоянную пропаганду за программные установки немецкого фашизма и не только подражала бандитским методам действия гитлеровцев, но и в области внешней и военной политики всячески старалась служить немецкому империализму в целях вовлечения Финляндии в подготовляемые Гитлером военные авантюры за завоевание мирового господства Германии. Само собой разумеется, что партия ИКЛ вела самую разнуданную травлю Советского Союза. Она открыто выступала за захват территорий СССР («вплоть до Урала», даже «до Енисея»), за создание «великой Финляндии».

3. Подготовка антисоветской войны

Правящие круги Финляндии и в дальнейшем, за весь период 1933—1939 годов, использовали фашистскую партию ИКЛ как свой политический и боевой таран, однако бразды правления ей не уступили, так как не разделяли целиком её политических позиций. Во внутренней политике реакционная plutократия проводила курс дальнейшей фашизации режима, но она не нуждалась теперь в каком-то крутом перевороте, которого требовали фашистские молодчики из ИКЛ. Во внешней политике, после прихода Гитлера к власти в Германии, она ориентировалась на тесное сотрудничество с гитлеровским правительством, однако не отказывалась от такого же сотрудничества с тогдашними правительствами Англии и Франции, так как не желала опираться на одну только Германию, как этого добивалась агентура Гитлера — партия ИКЛ.

Главной партией реакционной plutократии Финляндии являлась Коалиционная партия, во главе которой стояли

отъявленные реакционеры Свинхувуд, Вальден, Линкомиес, Паасикиви и др., ещё в 1918 году вкупе с немецкими империалистами проливавшие кровь трудящихся Финляндии. Несмотря на то, что Коалиционная партия никогда не получала широкой поддержки на выборах, она всё же всегда играла руководящую роль как в парламенте, так и в правительстве, умело пользуясь содействием целой сети влиятельных агентов, которых она имела в других правительственные партиях, например в Земледельческом союзе — Каллио, Рейникка и др., в Прогрессивной партии — Рюти, Кивимяки, Эркко и др., в Шведской партии — Прокопе, Виттинг, Рамзей и др., в социал-демократической партии — Таннер, Саловаара и др. С помощью этих своих политических агентов и с помощью партии ИКЛ Коалиционной партии удалось обеспечить систематическое проведение как в парламенте (принятие ряда явно фашистских законов), так и в правительстве, независимо от партийного состава того или иного кабинета, политики фашизации страны.

В дальнейшем, однако, фашистский бандитизм и явное стремление президента Свинхувуда и его ставленников в правительстве (особенно премьера Кивимяки, который ныне является посланником Финляндии в Берлине) проводить курс на фашизацию страны вызвали возмущение в широких массах трудящихся. Эти массы были и без того недовольны нищенской зарплатой, огромной безработицей и разорительной политикой правящей plutократии в отношении крестьян. К тому же прибавилось беспокойство народа, вызванное воинствующей агрессивностью фашистской Германии в Средней Европе и близкими отношениями заправил Финляндии с гитлеровскими империалистами. Подпольная коммунистическая партия Финляндии, оправившись от фашистского удара 1930 года, своей борьбой против фашизма и против наступления капитала снова завоевала себе массовое влияние. Призывая рабочие массы под знаком единого пролетарского фронта войти в социал-демократические профсоюзы (единственные легально существующие профсоюзы в стране), компартия добилась того, что большинство низовых профсоюзных организаций стало органами экономической классовой борьбы, нередко устраивавшими забастовки вопреки запретам социал-демократического аппарата. В рядах социал-демократической партии образовалось левое крыло (Маури Рюэмя и др.), которое, стоя на позиции единого фронта рабочего класса, боролось против реакционной клики Таннера. Под знаком создания единого народного фронта против фашизма компартия организовала ряд успешных кампаний, нашедших широ-

кий отклик в массах, например кампанию в защиту политзаключённых и против применения смертной казни.

Антифашистские настроения широких масс трудящихся вызвали временные колебания даже в рядах таких правительственные партий, как Земледельческий союз и Прогрессистская партия. На президентских выборах 1936 года сторонники переизбрания президентом Свинхууда остались в меньшинстве. Это был единственный случай, когда даже агенты Коалиционной партии, находящиеся в рядах других правительственные партий, боясь потерять своё массовое влияние, отказались подчиниться воле руководства Коалиционной партии. Правда, избран был также агент реакционной плутократии Каллио—из Земледельческого союза. Но всё же вследствие возникших разногласий по этому вопросу Коалиционная партия в ближайшее время не была в состоянии попрежнему ускорять фашизацию внутреннего режима в стране.

Курс же внешней и военной политики Финляндии от избрания нового президента ничуть не изменился.

Коммунисты и другие антифашисты неоднократно предупреждали народ об империалистических устремлениях фашистской Германии; предупреждали об опасности войны вследствие закулисных манипуляций военщины и партии ИКЛ с немецкими фашистами; требовали изменения внешнеполитического курса в сторону установления искренних, дружеских отношений с Советским Союзом. Но это ни в малейшей степени не подействовало на правительство. Ещё раз подтвердилось, что независимо от личного состава правительства внешняя и военная политика плутократической Финляндии оставалась одинаково враждебной антисоветской политикой.

Социал-демократические прислужники правящей плутократии в своих лицемерных выступлениях представляли дело так, как будто политика финляндского правительства коренным образом отличалась от антисоветской политики, провозглашаемой партией ИКЛ. Они твердили, что в Финляндии только кое-какие «безответственные люди», отдельные «сумасбродные авантюристы», не имеющие никакого влияния, являются сторонниками вражды и войны против Советского Союза, между тем как в «ответственных кругах» Финляндии, мол, никто не одобряет их антисоветской враждебности и даже не думает об иных, как только мирных и добрососедских отношениях с Советской страной. Это была заведомая ложь. Политика «ответственных» и «безответственных» кру-

гов Финляндии по отношению к Советскому Союзу являлась одинаково враждебной и агрессивной. Разница состояла лишь в том, что «ответственные» не кричали о своём стремлении к антисоветской войне, но *усиленно действовали* по линии подготовки такой войны.

С этой целью генштаб финляндской армии развернул лихорадочную работу в теснейшем сотрудничестве с представителями германского генштаба и другими иностранными «специалистами». Особенно в 1937 году обратили на себя внимание частые визиты в Хельсинки всякого рода высоко- и низкоопоставленных эмиссаров гитлеровской Германии. Когда кое-кто из финнов публично выражал опасение по поводу свободного участия немецких шпионов в делах финской армии, одна газета Коалиционной партии прямо заявила: «Перед немцами у нас никаких военных тайн нет».

Военные приготовления, проводившиеся генштабом, не ограничивались только усилением вооружения финской армии и развитием военной промышленности страны. В Финляндии строили, например, в десять раз больше аэродромов, чем требовалось для нужд финской авиации (из них свыше 40 крупных аэродромов, большей частью вдоль советской границы). Вопреки существующей международной конвенции о демилитаризации Аландских островов, там начали тайком строить сооружения для создания базы подводных лодок и авиации Германии. В восточной Финляндии строили стратегические шоссейные и железные дороги, ведущие к советской границе. И прежде всего под руководством немецких и других иностранных специалистов построили сотни сильнейших укреплений на Карельском перешейке с тем расчётом, чтобы иметь трамплин для внезапного нападения на Ленинград. Для проверки сооружений этой «линии Маннергейма» в Финляндию приезжал летом 1939 года начальник генштаба германской армии генерал Гальдер.

К осени 1939 года Финляндия, и прежде всего Карельский перешеек, была уже превращена в готовый военный плацдарм для нападения на Советский Союз.

В своих военных планах заправили Финляндии в первую очередь рассчитывали на агрессию Германии против СССР, но не только Германии. Они ждали совместной антисоветской войны Германии, Польши и ряда других государств при поддержке или участии английского и французского правительства. Особенно со временем мюнхенского сговора Гитлера, Чемберлена и Даладье (осенью 1938 года) правительства Финляндии верили, что предстоит именно такая война, и готовились усиленно к участию в этой войне.

Но осенью 1939 года вышло по-иному: Германия напала на Польшу, и началась война Германии с Англией и Францией.

Создавшаяся обстановка большой европейской войны была чревата опасностями также для СССР, и советское правительство не могло не позаботиться об усилении безопасности европейских границ Советского Союза. Особенно неблагополучно обстояло, конечно, дело безопасности Ленинграда ввиду близости границы Финляндии, где на расстоянии пушечного выстрела от Ленинграда враждебные власти, одержимые антисоветским шовинизмом, соорудили базу для нападения империалистов на город Ленина.

Ввиду этого советское правительство предложило Финляндию некоторую передвижку границы на Карельском перешейке с более чем полной территориальной компенсацией в другом месте. Однако финляндское правительство, не желая делать ни малейшего отхода от своей агрессивной позиции, отвергло это предложение, прервало переговоры, фактически перевело страну на военное положение и нагло спровоцировало войну.

Всем юношам ход этой зимней войны. Несмотря на прочность многочисленных железобетонных укреплений Финляндии на Карельском перешейке, части доблестной Красной Армии в сравнительно короткий срок сокрушили эту так называемую «линию Маннергейма» и нанесли решающее поражение финляндской армии. Этот неожиданный для заправил Финляндии исход войны заставил их поспешно обратиться к советскому правительству с просьбой согласиться на заключение мира.

В результате этой войны получилось противоположное тому, чего заправили Финляндию ещё раз пытались силой оружия добиться, — не присоединение Советской Карелии к белой Финляндии, а освобождение финской Карелии из-под власти финской плутократии и её присоединение к Советской Карелии, которая после этого была преобразована в союзную Карело-Финскую ССР.

Иной враг от такого жестокого урока, пожалуй, образумился бы. Но финляндское правительство, оказывается, ещё больше обезумело. С видом внешней лояльности оно тогда заверило о своём намерении всегда сохранять дружественные отношения с Советским Союзом. И в мирном договоре оно торжественно обязалось воздерживаться от всякого нападения на Советский Союз и не участвовать ни в каких враждебных Советскому Союзу коалициях. Но не успели высокнуть чернила, которыми представители финляндского правитель-

ства подписали мирный договор 12 марта 1940 года, как они уже начали закулисные поиски какого-нибудь чёрного входа, через который можно было бы влезть в империалистическую коалицию антисоветской войны.

4. Включение Финляндии в войну Гитлера

Во время войны 1939—1940 годов финляндскому правительству удалось парализовать всякое массовое сопротивление сознательных рабочих, считавших антисоветскую войну преступлением и надеявшихся на победу Красной Армии. Центральный комитет финской коммунистической партии призывал народ к восстанию против преступного правительства, и в восточной Финляндии было создано повстанческое временное «Народное правительство Финляндии» с демократической программой действия. Ныне стало ещё яснее, чем было в то время — от каких огромных несчастий избавился бы финский народ, если бы он тогда поддержал программу действия нашего «Народного правительства». Но посредством бешеного террора и оглушительного шовинистического рёва заправилы Финляндии вместе с их социал-демократическими наймитами сумели в зачатке подавить развитие антивоенного демократического движения в стране и изолировать его сторонников.

Сразу же после окончания войны, как только правительственный террор временно немого ослабел, в стране раздался приглушенный до тех пор голос трудящихся масс против правительства войны и антисоветского шовинизма. Созданное весною 1940 года «Общество мира и дружбы с СССР» в течение 2—3 месяцев выросло в крупную массовую организацию, которая осенью того же года имела уже 50—60 тыс. членов, в то время как социал-демократическая партия (самая крупная партия в стране) имела лишь 25 тыс. членов. Газета этой организации «Кансан саномат» приобрела 27 тыс. подписчиков, в то время как тираж центрального органа социал-демократической партии снизился с 25 тыс. до 9 тыс. «Общество» и его газета вели активную борьбу за искреннюю политику мира и установление дружественных отношений с Советским Союзом.

По этому же вопросу в рядах финской социал-демократии произошёл новый раскол; не только левое крыло, лидеры которого были ещё до войны исключены из социал-демократической партии, но и депутаты прежнего центра этой партии (Вийк, Райсанен и др.) начали открытую борьбу против

социал-шовинистического руководства — клики подлых предателей во главе с министром Таннером.

В августе и сентябре 1940 года финляндское правительство, мобилизовав все свои полицейские силы, обрушилось на «Общество мира и дружбы с СССР», разгромило его организации и восстановило в стране свирепый террор военного времени. Чувствовалось, что правящая плутократия снова нашла себе внешнюю опору и поэтому решилась пустить в ход свои когти против массового движения оппозиции. Причём эту опору она опять нашла в лице германского империализма.

Во время зимней войны Финляндии против СССР фашистская Германия была связана по рукам и не рискнула вмешаться. Но как только Гитлеру удалось летом 1940 года разгромить Францию, он вступил в заговор с заправилами Финляндии. Как впоследствии выяснилось, это был заговор военного нападения на СССР.

Ещё осенью 1940 года началась перевозка германских войск в Финляндию, а в дальнейшем на территории Финляндии был сконцентрирован ряд германских дивизий с танками, авиацией, артиллерией и прочим вооружением.

В то же время, зимою 1940/41 года, в Финляндии начали вербовку и посылку «надёжных» головорезов в Германию, чтобы там сформировать из них так называемые «финские эсэсовские батальоны» для участия в рядах германской армии в наступлении против СССР. Как ныне стало известно, финское правительство, которое тогда из дипломатических соображений считало необходимым организовать вербовку и посылку этих людей в строго конспиративном порядке, создало для этой цели специальный орган, выступавший в Хельсинки под вывеской «Инженерная агентура Ратас». Через эту агентуру было завербовано в разных местностях Финляндии свыше 10 тыс. человек шюцкоровцев и им подобных элементов, которые в течение весенних месяцев 1941 года были посланы в Германию. (Во время войны Красная Армия встретила и разгромила часть этих шюцкоровских батальонов на Западном фронте, часть — на Северном Кавказе.)

Вся подготовка совместной войны Германии и Финляндии против СССР проводилась в то время, когда германское и финляндское правительства публично заверяли о своей абсолютной верности договорам, заключённым с Советским Союзом. Оба они показали себя одинаково вероломными.

Но в лицемерном двуличии финские сообщники Гитлера вскоре побили даже рекорды самого фюрера. Когда после скрытой подготовки к войне последовало их совместное на-

падение на СССР, Гитлер после начала наступления (22 июня 1941 года) заявил, особенно подчёркивая, о том, что речь идёт о совместных действиях с финляндской армией. Финляндское правительство, не опровергая заявления Гитлера, а делая вид, будто не слышало его слов, стало заверять, что не Финляндия напала на СССР, а, наоборот, СССР напал на Финляндию. И так как финляндское правительство вплоть до сегодняшнего дня распространяет эту ложь, то уместно здесь напомнить ещё о следующих общеизвестных фактах.

Первое. Ещё задолго до нападения Германии на Советский Союз финляндские правители провели всеобщую мобилизацию резервистов в возрасте до 42 лет, мобилизацию автотранспорта, лошадей и т. д. и отправили много войск на восток, к советской границе.

Второе. За несколько дней до начала войны против СССР финляндское правительство провело по всей стране массовые аресты друзей Советского Союза, всех активистов рабочего движения, которые были известны полиции как противники антисоветской войны.

В-третьих. 17, 18 и 19 июня немецкие пароходы, прибывшие из Германии, спешно выгружали в Хельсинки военное снаряжение, среди которого были и пушки.

В-четвёртых. Уже 20 и 21 июня немецкие войска, находившиеся до этого в некотором отдалении от советской границы, были подведены к границе для нападения на Советский Союз.

В-пятых. В ночь с 21 на 22 июня было совершено нападение немецких военных и финских полицейских на консульство СССР в Петсамо. Советское консульство было разграблено, а личный состав его вывезен в г. Киркес.

В-шестых. В ночь с 21 на 22 июня с финской территории была сделана попытка большой группы самолётов совершить первый налёт на Кронштадт. 23 июня самолёты, поднявшиеся с финской территории, снова пытались бомбардировать Кронштадт, причём один самолёт был сбит и 4 немецких офицера были взяты в плен.

После этого немецкие и финские пехотные части в целом ряде мест на финляндской границе перешли в наступление и начали вторжение на территорию СССР.

Все эти неоспоримые факты полностью разоблачают лживость финляндского правительства, отрицающего совершённое им подлейшее преступление, когда оно вкупе с германскими фашистами напало на Советский Союз.

Гитлер в своей речи 9 ноября 1941 года, хвастливо перечи-

сяя принятые им заранее меры к превращению пограничных с СССР стран в плацдарм для нападения на Советский Союз, снова подтвердил, что ещё до 22 июня «Финляндия заявила о своей готовности выступить на стороне Германии». И, слушая эту речь Гитлера, финляндское правительство опять сделалось глухим, признавая только своим красноречивым молчанием тот факт, что оно во второй половине 1940 года и первой половине 1941 года целиком пошло на службу к германскому фашизму в качестве подчинённого, но усердного пособника его империалистической военной авантюры.

Это означало полный переход внешней и военной политики Финляндии на позицию доморошенных фашистов-«квислингов» из партии ИКЛ. Ведь раньше (в период 1933—1939 годов) только эти прямые агенты немецкого фашизма, которых тогда называли «безответственными» и «сумасбродными авантюристами», настаивали на том, что Финляндия должна ориентироваться только на Германию и подчиняться во всём воле гитлеровской шайки. «Ответственное» же правительство Финляндии, которое тогда старалось стоять одновременно на двух судах — одной ногой на германском, другой на англо-французском, — теперь устремилось на пиратское судно Гитлера, бросилось ему в ноги и продало независимость своей страны. Этот авантюристический прыжок оно сделала в обстановке войны Гитлера за мировое господство. Значит и самим правительствам Финляндии было ясно, что, втягая свою страну в военную колесницу гитлеровской Германии, они тем самым ведут Финляндию к столкновению как с Советским Союзом, так и с Англией, Америкой и с другими свободолюбивыми странами. Авантюризм такого прыжка был очевидным. И всё-таки они пустились в эту авантюру.

Что же лишило их разума? Очевидно, новый припадок старого бешенства, их одержимости антисоветским шовинизмом.

«Наконец-то открылась для нас благоприятная возможность!» — ликую писали в начале войны правительственные органы Финляндии, упиваясь своими иллюзиями. В таком же духе выступил и председатель финского сейма В. Хаккила на том заседании сейма (в июле 1941 года), когда этот «парламент» задним числом утвердил участие Финляндии в войне Гитлера. Он заявил:

«Мы долго ждали изменения мировых событий в благоприятную для нас сторону, и так как теперь к нашему счастью совершился такой благоприятный поворот, то мы прицепились к нему с реально-политической активностью».

Известно, что люди легче всего поддаются тем иллюзиям, которые отвечают их страстным желаниям. Так и заправили Финляндию летом 1941 г. воображали и верили, что завтра у них будет «рябчик на ладони». Об этом писали шведские наблюдатели, например, в газете «Гетеборгс Постен» (25.VII. 1942 года) так:

«Внешнеполитические и военные руководители Финляндии рассчитали, что война продлится всего несколько месяцев. Они думали, что германская военная машина справится с Советским Союзом ещё скорее, чем с Польшей, Францией и Югославией. Многие финны надеялись, что это произойдёт очень быстро, и, прежде чем Великобритания и Америка успеют что-нибудь предпринять, Финляндия получит обратно потерянные карельские территории, а в придачу к этому также Восточную (Советскую) Карелию».

Стало быть, вновь повеяло благоуханием карельских лесов, которое опьянило финских plutokратов, падких на «зелёное золото»! Газета «Суомен Кувалехти» осенью 1941 года об этом писала без обиняков:

«Переход природных богатств Восточной Карелии в руки Финляндии может перевести запущенные финансы государства на совершенно новое основание».

— И почему бы ограничиться завоеванием одной лишь Карелии? — думали финские plutokраты. — Раз пошли на захватническую войну, то почему бы не захватить и богатые районы Ленинградской области, окружающие город Ленинград, так называемую Ингерманландию, где когда-то раньше большинство населения состояло из говорящих на финском языке крестьян. Абовская газета «Турун Саномат» писала об этом:

«Ингерманландия является составной частью Финляндии (?!), о чём мы, к сожалению, иногда забываем. Но теперь мы не должны этого больше забывать».

Другая финская газета, «Карьяла», воскликнула:

«Финляндия должна подготовиться к выполнению своей исторической миссии в отношении ингерманландской части нашего народа!»

В то же время в Финляндии раздавались дикие голоса о том, что Финский залив и Балтийское море следует навсегда закрыть для Советского Союза!

Так возрастал аппетит во время еды. И Маниергейм в своём приказе по финляндской армии в начале июля 1941 года снова вытащил на свет свой старый лозунг захватнической войны: создание «великой Финляндии».

Но финские черносотенцы, бросаясь в войну вместе с Гитлером, мечтали не только о территориальных завоеваниях:

Они мечтали также об «уничижении большевизма», об уничтожении Советского государства, — не больше, не меньше. Говоря об этом шведам, они мотивировали это интересами «безопасности Финляндии», т. е. безопасности своей реакционной власти в Финляндии. Шведская газета «Дагенс Нюхетер» писала об этом:

«Главный тезис Финляндии (т. е. её правящей клики) известен: Финляндия-де не может разрешить проблемы «безопасности», если Советский Союз не потерпит катастрофу».

Этот «главный тезис» заправил Финляндию, как видно, сильно напоминает о тупоумии тех немецких фашистов, которых товарищ Сталин в своём докладе о Конституции СССР сравнил с щедринским бюрократом-самодуром, решившим «снова закрыть Америку». Только финские самодуры ещё больше боятся «опасного примера» существования государства, где народ свободен, и поэтому пошли воевать, чтобы «закрыть Советский Союз». И воображали и верили, что вот завтра — послезавтра Советский Союз будет закрыт, или, как заявляла финская газета «Карьяла» в начале войны: «Теперь Советский Союз будет растоптан и съеден!»

Таким образом, финскую плутократию толкнули в военную авантюру Гитлера те же побуждения, которые с самого начала характеризовали её антисоветский шовинизм: захватническая алчность и народоненавистническая злоба контрреволюционной правящей шайки.

III ГИТЛЕРИЗОВАННАЯ ФИНЛЯНДИЯ

1. Как немцы высасывают соки из тела Финляндии

Второй раз в истории Финляндии немецкие войска находятся в стране. Сколько их там расквартировано, мы точно не знаем; в швейцарской печати сообщалось о 7—8 дивизиях.

Будучи первый раз в Финляндии (в 1918 году), немецкая солдатчина широко прославилась среди населения своим воровством и грабежом. Она с поразительной наглостью тащила всё, что плохо лежало, начиная с кур и пороссят вплоть до колоколов церквей. Ныне немцы не меньше, а ещё больше грабят Финляндию, но теперь это делается в основном иными методами — руками финляндских властей.

Правда, в ряде случаев немецкие «гости» не отказались от применения и старых методов воровства и грабежа. Особенно

в первые месяцы войны эта излюбленная практика гитлеровских войск принимала настолько широкие размеры, что даже тогдашний главнокомандующий этими войсками в Финляндии генерал фон Фалькенхорст счёл необходимым об этом предупредить. Он заявил в своём приказе немецким войскам в Финляндии:

«Многочисленные происшествия показывают, что проходящие или расквартированные части не щадят финского частного и государственного имущества, находящегося в тылу армии... У финских крестьян забирают сено и овёс, для чего взламывают двери амбаров или срывают крыши. Если крестьяне протестуют, им даже угрожают».

Повидимому, этот генерал опасался чрезмерного возмущения финского населения в тылу и поэтому при ограблении населения предпочёл воспользоваться услугами финских властей. И финское правительство в своей холопской служливости не только широко открыло государственные продовольственные и кормовые склады перед немецким интенданством, но и проводило для него опустошающую реквизицию лошадей, скота, зерна, картофеля, кормов и транспортных средств крестьянства. Зимой 1941/42 года дошли до того, что реквизировали даже половину семенных фондов у всех крестьян, обещая вернуть весной, «когда получим из Германии»; весной же почти ничего не вернули.

Этот метод ограбления финского народа является, конечно, более выгодным для немцев, чем прямой грабёж своими руками. Население сумело бы спрятать более значительную часть своего добра от немецкой солдатчины, чем от местных полицейских чиновников. Для финского же правительства этот метод является политически весьма удобным. Ведь ему не нужно давать ответ народу о том, какая доля продовольственных, кормовых и других запасов страны идёт в немецкую пасть. Это скрывается от финского народа. Все реквизиции правительство проводит исключительно под видом удовлетворения потребностей финляндской армии, лживо при этом апеллируя к чувству «патриотического долга» населения.

Кроме этого, вся внешняя торговля между Финляндией и Германией с первых же дней войны потеряла характер торговли и превратилась по существу в систематическое ограбление Финляндии германским правительством. Германия проявила большой аппетит на всё ценившее, что Финляндия только могла вывозить, — масло, мясо, кожу, древесину, медь, никель и т. д. По кабальному торговому договору Финляндия обязалась в частности регулярно поставлять Германии максимальное количество лесоматериалов. Однако Германия ни за что не платила и не платит валютой. Зато она щедро взяла

на себя обязательство снабжать Финляндию хлебом и разного рода сырьём для промышленности. Однако гитлеровское правительство не выполняло своих обязательств (оно, как известно, нигде не выполняет своих обязательств), и это доставляло немало затруднений его финляндским прислужникам.

Стараясь удовлетворить все требования немцев, финляндские заправили еще в первые месяцы войны настолько опустошили продовольственные запасы Финляндии, что в стране на 1942 год ничего не осталось. Из месяца в месяц они надеялись, что немецкое правительство, согласно своим обещаниям, не замедлит уплатить свой долг хлебом и другими видами продовольствия. Однако немцы не только затягивали транспортировку продовольствия в Финляндию, но совершенно нахально делали из своей продовольственной задолженности постоянное средство вымогательства по отношению к Финляндии.

Это положение характеризуется довольно ясно следующим сообщением ТАСС из Копенгагена от 18 ноября 1942 года: видный финский чиновник, остановившийся в Копенгагене проездом из Берлина, заявил в откровенной беседе с датским промышленником, что все попытки финского правительства договориться с немцами о хотя бы ориентировочном плане завоза в Финляндию зимой 1942/43 года наиболее необходимых продуктов провалились.

«Немцы, — сказал финский чиновник, — посадили нас на голодный пай и дают нам немного продовольствия только на каждые две недели, связывая всякий раз поставку следующего двухнедельного пайка с выполнением своих очередных военных и внутриполитических требований. Перед нами постоянно возникает альтернатива — выполнение этих требований или голодная смерть всей нации. Нам приходится оплачивать немецкие продукты остатками нашей независимости, которая превращается в фикцию. Мы зависим от немцев во всём».

Финскому правительству при этом положении не легко успокаивать народ. Ведь народ видел, что продовольственные запасы страны внезапно исчезли, и подозревал, что значительная часть из них передана немцам. Поэтому правительство всячески старается в этом вопросе ввести население в заблуждение. С одной стороны, оно тщательно скрывает от общественности все свои поставки германскому правительству и все его долговые обязательства Финляндии. С другой стороны, оно представляет перед народом дело так, как будто каждый двухнедельный пай, посыпаемый немцами в Финляндию, является не мизерной долей уплаты задолженности Германии, а её «благотворительной помощью» финскому народу. «Вот, видите, — трубят все громкоговорители финского правительства, — когда наш народ нуждается, то германское правительство шлёт ему хлеб».

Подозрения населения, однако, не рассеялись, и летом 1942 года распространились сведения о том, что некоторые ценные продукты, как сливочное масло и яйца, которых население уже давно не видело, всё ещё получают немцы из Финляндии. Тогда правительство поручило социал-демократическому министру Таннеру заявить в его бюджетном докладе на сейме, что вообще «вывоз продуктов животноводства закончился». Однако от внимания населения не ускользнула двойная хитрость, заключавшаяся в этом заявлении Таннера, а именно, во-первых, что его заявление относилось лишь к гражданскому экспорту Финляндии, а не к военному экспорту. Само собой разумеется, что такие дефицитные продукты, как сливочное масло и яйца, исчезли из свободной внешней торговли (т. е. из гражданского экспорта), равно как они исчезли и с внутреннего свободного рынка; в Германию они могут переплыть лишь в виде товаров «военного экспорта». Во-вторых, Таннер ни слова не говорил о том, сколько того или другого продовольствия правительство и интендантство армии в самой Финляндии прямо поставляет немецким войскам. Эти поставки, разумеется, не включаются в экспортную статистику.

Таким образом, официально закончился «вывоз» продовольствия из голодающей Финляндии в Германию, но на деле имеется основание полагать, что немцы всё ещё получают и пожирают лучшие продукты финляндского сельского хозяйства.

Немцы со своей стороны уже почти прекратили поставки зерна Финляндии. В июне 1943 года министр снабжения Финляндии Эллиля публично заявил, что финское правительство пыталось получить некоторое количество зерна из Германии. Однако, как признал Эллиля, «переговоры по этому вопросу не привели к положительному результату». По его словам, Финляндия должна теперь рассчитывать исключительно на собственные весьма скучные запасы зерна.

Между тем задолженность Германии Финляндии всё больше растёт. Это является лишь бухгалтерским подтверждением того факта, что ограбление Финляндии немцами продолжается всё дальше. Само германское правительство, как известно, уже сообщило всем правительствам вассальных стран Германии, в том числе и Финляндии, что оплата получаемых Германией из этих стран товаров и продовольствия будет производиться лишь после войны.

Ну, после войны союзникам Гитлера нечего ждать от Германии. Ни одной марки они от неё не получат.

2. Немецкие хозяева и финские лакеи

Уже тот факт, что немецкие войска в довольно значительном количестве постоянно находятся в Финляндии, подтверждает всему миру, что немцы стали хозяевами Финляндии. Но, спрашивается, есть ли какая-либо разница между нынешним положением Финляндии и положением оккупированных гитлеровской Германией стран? Да, разница есть, хотя и не очень существенная.

Финляндия лишена своей независимости, как и оккупированные Германией страны. Но она не только подчинена Германии, но вместе с тем и прислуживает ей. Финляндия — вассальная страна гитлеровской Германии, служащая ей прежде всего тем, что воюет в её интересах, в качестве её пособника.

От этого финскому народу не легче. Но роль, которую играют сейчас правящие круги Финляндии, — новая, особая роль: они стали просто лакеями немецких хозяев Финляндии.

Финский народ голодает не меньше, чем народы оккупированных стран. Финляндия ограблена Германией так же основательно, как и оккупированные страны. Но всё это сделано руками финских властей. Трудящихся Финляндии жестоко эксплуатируют и угнетают в интересах немецких империалистов; по указке немцев в Финляндии арестовывают, истязают и казнят людей. Исполнителями же выступают финские власти. И эти исполнители германского гнёта в Финляндии — не какие-то новые выскочки, только теперь по воле немцев облечённые властью, как их ставленники в Норвегии, Голландии, Бельгии. Нет, в Финляндии функцию квислингов взяли на себя старые правители страны, та же клика, которая властвует там уже четверть века и даже более.

Продав Финляндию гитлеровской Германии и приняв на себя роль лакеев гитлеризма в стране, её правители сразу отличились среди агентов Гитлера в других странах особым качеством — непревзойдённым лицемерием.

Они не говорят народу, как Квислинг в Норвегии, что надо подчиняться воле немцев, хотя они не меньше его действуют, чтобы заставить свой народ подчиняться воле немецких хозяев. На словах они твердят по-старому, что Финляндия — вполне «независимая страна», и самих себя они выставляют как неких «патриотов», якобы «защищающих» независимость Финляндии. Они делают вид, как будто не замечают никаких посягательств со стороны Германии на независимость Финляндии.

Когда немцы грабят Финляндию, применяя наглое вымогатель-

ство, финляндские заправилы называют это «экономическим сотрудничеством» между Финляндией и Германией, а президент Финляндии выражает немцам «благодарность за помощь».

Когда немцы требуют включения Финляндии в так называемый «антикоминтерновский блок», или требуют контроля германского правительства над «работой» финской охранки, или когда в Берлине просто решают, кто из финских господ подходит и кто не подходит на пост премьер-министра Финляндии, — в Хельсинки каждый раз отвечают по-лацайски «слушаемся» и называют это «политическим сотрудничеством».

Когда же Гитлер требует от Финляндии всё новых поставок пушечного мяса, то его прислужники, сидящие в финском правительстве, с усердием стараются показать «фюреру», что они в этом деле сохраняют за собой первенство среди всех вассальных стран Германии, т. е. шлют в мясорубку войны относительно больше людей, чем любая из этих стран. И это они называют «военным сотрудничеством» с Германией.

В самом деле, более угодливых лакеев, чем правители Финляндии, нет у немецких фашистов.

Говорят, что собака облизывает палку, которой хозяин её бьёт. Финские же собаки Гитлера совершают ещё более странные поступки. Они в угоду своему хозяину преподнесли немецкой солдатчине и честь финских женщин. Они, по существу, легализовали изнасилование финских женщин гитлеровскими офицерами и солдатами. Кроме того, они организовали в широком масштабе особое обслуживание личного состава немецких войск членами женской шюцкоровской организации «Лотта Сверд». Эта военизированная организация, насчитывающая 185 тысяч членов, стала немецким публичным домом как в тылу, так и на фронте.

Каким именем в Финляндии официально называют этого рода «сотрудничество» с немцами, нам неизвестно. Однако мы знаем, что в письмах родных солдатам финляндской армии на фронт отражается жгучий стыд и гнев населения Финляндии по поводу этого бесстыдного «сотрудничества» с гитлеровцами. Зато немецкие хозяева сами, кажется, весьма довольны заботами финских поставщиков женского пола. Не зря писал один из них в газете «Вильнаер Цейтунг»:

«Мы, немцы, всегда чувствуем себя особенно хорошо в Финляндии. Это уже доказано на примере наших солдат».

3. Двуличие в целях перестраховки

Финляндия — не единственная страна, состоящая в военном союзе с гитлеровской Германией. Но характерно, что финляндское правительство — единственный из союзников Гитлера,

старающийся скрыть и отрицать факт своего военно-политического союза с Гитлером.

Правда, не везде и не всегда финляндские правители отрицают, что воюют вместе с гитлеровской Германией за одни и те же цели. Например, когда Гитлер посетил Финляндию (летом 1942 года), они, как и в ряде других случаев, откровенно заявляли о своей верности гитлеровской Германии в деле ведения совместной войны. И когда министр Таннер во время войны наносил визиты в Берлин и Вену, он там торжественно провозглашал, что «Финляндия будет вместе с Германией и остальными дружественными державами (т. е. Италией, Венгрией и Румынией) вести борьбу за европейскую культуру (т. е. за гитлеровский «новый порядок» в Европе) до победного конца». Но как только Таннер вернулся в Финляндию, он выступил и заявил по дипломатической шпаргалке: «Финляндия не участвует в войне великих держав ни на чьей стороне».

Значит, «правда» у финляндских правителей целиком зависит от места их выступлений. Кроме того, она зависит от ситуации на фронтах. Когда немецкие войска наступают, то все рупоры финского правительства трубят о совместной с Германией войне «до победного конца». Когда же немецкие войска отступают, терпят поражения, то обязательно кто-либо из министров или президент Финляндии выступает с утверждением, что Финляндия «хотя и является, в известном смысле, воюющей страной, но вместе с тем она, собственно говоря, является почти нейтральной страной...»

Это двуличие — один из основных законов поведения нынешних правителей Финляндии. Они не допускают и мысли о том, чтобы на деле порвать свою преступную связь с гитлеровской волчьей стаей, но им хотелось бы как-нибудь скрыть эту связь. Почему? Разве они стыдятся? Разве у них осталось хотя бы воспоминание о совести, призывающей их прикрывать позор? Нет, это не такие люди, которые действуют из моральных побуждений, совести у них нет. Здесь дело совсем в другом: они боятся, «чтобы чего-нибудь не вышло». Их двуличие рассчитано на перестраховку.

Чего они опасаются? Правители Финляндии опасаются, что из-за своего союза с Гитлером они могут попасть в полную изоляцию и во внутренней и во внешней политике.

В самой Финляндии союз с немцами не популярен. Ни один человек там не принимает всерьёз официальный дипломатический тезис, отрицающий существование военного союза с фашистской Германией. Ведь люди видят существование этого союза, — глаза-то у людей есть. И они сознают, что этот союз

в глазах цивилизованных стран является позором для Финляндии, что он опасен и вреден для её будущего.

Финский народ, несомненно, хотел бы высвободиться из объятий фашистской Германии. Но зная это, заправили Финляндии всячески стараются внушить народу, что всё-таки «из военных соображений» для Финляндии необходимо хотя бы «временное сотрудничество» с гитлеровской Германией. «Наша нынешняя война, — говорят они с лисьей хитростью, — это продолжение зимней войны 1940 г. Тогда Финляндия не спрвилась потому, что вынуждена была воевать одними лишь своими силами. Теперь дело иное. Теперь нам помогает Германия со всей её военной мощью. Как же мы можем отказаться от такой, совершенно необходимой помощи? Не мы помогаем Германии, а Германия помогает Финляндии».

Вот какую демагогию они пускают в ход, чтобы надуть финский народ: как будто Финляндия находится не в когтях немецких империалистов, а, наоборот, под защитой этих благодетельных разбойников; как будто не Гитлер требовал и требует от Финляндии пушечного мяса, а, наоборот, гитлеровские молодчики, мол, пришли на север, словно благородные рыцари в сказке, проливать свою кровь за спасение невинной девы — Финляндии — от великих опасностей.

Заправили Финляндии опасаются также полной изоляции на международной арене. Народы всех оккупированных Германией европейских стран с отвращением отвернулись от финляндских пособников Гитлера. Англия объявила войну Финляндии. В Швеции всё больше и больше намечается поворот общественного мнения против захватнической войны как Германии, так и её сообщника — Финляндии. В Соединённых Штатах Америки правительство закрыло все консульства Финляндии и прекратило подрывную работу финского «информационного бюро» в Нью-Йорке.

Ввиду таких явных признаков возрастающей изоляции Финляндии правительство не может открыто, без обиняков признать, что оно впрягло Финляндию в военную колесницу германского империализма, воюя за диктатуру Гитлера в Европе. Кто знает, думают финские министры, как закончится война, поэтому рискованно публичным признанием союза с Гитлером раздражать общественное мнение демократических стран, которое и без того направлено против нас.

Финляндская плутократия имеет ещё друзей и покровителей среди наиболее реакционных кругов буржуазно-демократических стран. Там ездят и платные агенты финского правительства, стараясь обработать общественное мнение. Но хлопоты этих адвокатов сильно затрудняются там тем обстоя-

тельством, что пособничество Финляндии в разбойничьей войне Гитлера всем известно и почти всем противно. Поэтому для облегчения «работы» своих агентов финляндское правительство и выдвинуло тезис, что «в войне великих держав мы, собственно говоря, не участвуем на чьей-либо стороне».

Но пушки в мешке не утаишь. И так как печать демократических стран просто издевается над тезисом о «неучастии» Финляндии в войне Гитлера, то финским правителям приходится как-нибудь поумнее доказывать своё «алиби» (неприсутствие на месте преступления). Для этой цели придумано следующее объяснение, распространяемое ими в Швеции и англо-саксонских странах.— Мы не сражаемся, говорят они щопотом, за гитлеровский новый порядок в Европе, и Финляндия не вассал Германии,— не то, что Румыния, Венгрия или Италия,— у нас своя *обособленная война* против СССР, но так как одновременно с нашей войной началась и война Германия против СССР, то в силу этого случайного совпадения мы попали, видите ли, во временное сотрудничество с гитлеровской Германией... и т. д.

За границей не верят и этому крюкотворству, однако правительство Финляндии рассчитывает, что наиболее близорукие иностранцы хотя и не верят ему, всё же могут принимать его виляние как выражение готовности «в будущем» отойти от заговора с немцами.

В Финляндии, конечно, каждый понимает, что вся болтовня насчёт «обособленной войны» Финляндии имеет лишь целью пустить пыль в глаза иностранным простакам. И некоторые финские агенты Гитлера, плонув на такое дипломатничание, прямо заявили, как, например, газета «Аян Суунта»: «Ни о какой обособленной войне Финляндии не может быть и речи».

«Сам» Гитлер, несмотря на то что он хорошо знает это дипломатическое виляние финляндских правителей, не разставил их в неловкое положение, заявляя во всеуслышание, что финляндское правительство ещё до нападения Германии на СССР обизалось «выступить на нашей стороне». Но несмотря на такие заявления Гитлера, агенты и адвокаты финского правительства в демократических странах продолжали сюсюкать: «Ни на чьей стороне Финляндия не воюет..., а если и воюет совместно с Германией, то только *случайно* и временно».

Тогда американский государственный департамент (в октябре 1941 г.) решил поймать хельсинкских жуликов на слове, призывая финляндское правительство прекратить военные действия против СССР и этим доказать, что оно хочет отказаться от продолжения своей внешней политики, которая, как

подчёркивало американское правительство в своих меморандумах, приведёт к полному подчинению Финляндии капризам Гитлера. Правительство Финляндии пыталось сперва уильнуть от ответа, но затем вынуждено было косвенно признать, что оно вовсе не случайно и не временно связалось с Гитлером и с его войной.

В дальнейшем финляндское правительство всё больше и больше разоблачало себя перед общественным мнением Америки. Об этом свидетельствуют многочисленные высказывания большинства американских газет и влиятельных общественных деятелей США. Например, когда в Америке узнали о том, что финляндское правительство пользуется рабским трудом поляков, набираемых гитлеровцами, влиятельная американская газета «Пост Меридан» писала:

«Это добровольное участие Финляндии в порабощении Гитлером народов Европы показывает, что отрицание Хельсинки союза Финляндии с фашистской осью является просто-напросто жульничеством. Финляндия выступает в роли лицемера, получателя награбленного, участника гитлеровской кровавой бойни. Но вместе с тем Финляндия без зазрения совести уверяет весь мир, что она лишь «случайно» в против своей воли попала в эту компанию».

Газета прямо призывала финский народ изгнать профашистское правительство и заменить его правительством, готовым дать стране мир.

Как видно, правящим жуликам Финляндии стало уже трудно обманывать общественное мнение Америки. В Швеции же это почти так же трудно. В последнее время многие шведские деятели, ещё пару лет назад поддерживавшие антисоветскую военную политику Финляндии, пересмотрели свою точку зрения. Даже такой человек, как профессор Андреас Линдблум, который во время зимней войны 1939/40 года возглавлял пресловутый «Комитет помощи Финляндии», недавно открыто осудил нынешнюю захватническую войну Финляндии против СССР, а также заявил, что ему, наконец, стало ясно, что финляндское правительство было неправо и в первой войне против СССР.

Вот как ныне трудно жуликам вводить в заблуждение людей!

4. «Демократия» во вкусе гитлеровцев

В Финляндии немецким фашистам не нужно было самим заниматься уничтожением демократии, как в оккупированных странах,— об этом заботилось само финляндское правительство.

Основное в деле уничтожения демократических прав народа в Финляндии было сделано ещё в довоенный период, особенно в годы безудержного разгула белого террора — в 1918,

1930 и зимой 1939/40 года. В течение четверти века в Финляндии фактически не было демократии, сравнимой хотя бы с теми консервативными порядками, которые существуют, скажем, в Швеции, Англии или Америке.

— Но позвольте, — возражают адвокаты финского правительства, — в Финляндии всё-таки имеется парламент.

Да, так называемый парламент там имеется. Но, во-первых, этот парламент опирается на шюцкоровские штыки. Во-вторых, свобода выборов там существует лишь на бумаге; на деле каждый, кто ведёт предвыборную агитацию за других кандидатов кроме тех, которых выставляют шесть правительственные партии (в том числе и гитлеровская партия ИКЛ), кто собирает подписи под заявлениями о внесении других кандидатов в избирательные списки и кто подпишет такое заявление, рискует быть арестованным. В-третьих, депутат финляндского парламента лишь на бумаге имеет свободу мнения и пользуется неприкосновенностью; фактически все оппозиционные депутаты, которые в течение последней четверти века были избраны в финляндский парламент (кроме фашистов, конечно), были потом арестованы и брошены в тюрьму; двух членов конституционной комиссии парламента фашистские молодчики похищены прямо с заседания этой комиссии, причём за это преступление были посажены в тюрьму не похитители, а похищенные депутаты.

Наконец, сам парламент лишен возможности решать важнейшие вопросы страны, в частности вопросы войны и мира. Только из речи Гитлера 22 июня 1941 года члены финляндского парламента впервые узнали, что Финляндия будет участвовать в нынешней войне. И когда Финляндия осенью 1941 года присоединилась к так называемому «антикоминтерновскому блоку», парламент узнал об этом только после того, как соответствующий пакт был уже подписан в Берлине. Государственный бюджет и законопроекты о новых налогах всё ещё вносятся правительством на утверждение парламента, но даже в этих вопросах участие парламента сведено к столь пустой формальности, что многие депутаты, как видно, изжалоб финской печати, перестали вообще посещать заседания парламента.

Таким образом, парламент в Финляндии на пути своей фашизации уже вплотную подошёл к тому уродливому состоянию, в которое попал германский рейхstag при Гитлере. Помоему, не стоит больше называть его в серьёзном разговоре парламентом.

Последние остатки гражданских свобод — свободы слова, коалиций, собраний — придушили в Финляндии. Ныне это от-

носится уже не только к правам трудящихся, но и буржуазных слоёв населения. Вот что пишет об этом одна буржуазная провинциальная газета («Эстерботтнинген», в июле 1942 года) своим унылым языком:

«Гражданин нынешней воюющей Финляндии почти на каждом шагу наталкивается на препятствия для своей личной свободы, которую он раньше считал совершенно естественной. Он не может свободно продавать или покупать, не может есть то что хочет, не может разъезжать по стране как ему угодно, и обычно он не распоряжается также своей рабочей силой. Своё мнение об обстановке и событиях он может высказывать публично лишь тогда, если оно в основном совпадает с мнением правительства».

Появление в печати даже такой робкой критики, как эта, можно объяснить лишь случайным упущением цензуры. Все газеты Финляндии подвержены предварительной цензуре и все они обязаны печатать обширный официальный материал, занимающий на их страницах главное место. Таким путём правительством достигнута почти полная фашистская унификация печати. Но вследствие этого многие читатели вообще перестали читать и выписывать газеты. Резкое сокращение тиража и доходов заставило даже социал-демократический орган правительства скучить по поводу этой унификации; он писал (25.X.1942) следующую иеремиаду:

«Издание и редактирование газет в нынешней Финляндии является не слишком приятным занятием... Как информация о событиях, так и высказывания собственного мнения по поводу актуальных проблем преподносятся с большими ограничениями (т. е. со скрытием празд и вранья.—О. К.). Газеты неизбежно становятся однообразными и это отбивает интерес у читателя».

То-есть, читатель не выносит уже больше такой искусственной пищи, лишённой всякой правды. Увлёкшись же, редактор этой газеты, говоря об официальном материале правительства, ещё выболтал и главное: «Военные сообщения занимают много места, а их опубликование обязательно, хотя читатели проявляют к ним не слишком большой интерес».

Это он говорил по своему опыту. Лошадиные порции лжи в военных сообщениях финского правительства действовали так зловеще на желудок читателей газет, что теперь многие из них боятся даже в руки взять газету.

Другая газета, выходящая в г. Або («Або Ундерреттельсер») выражает своё беспокойство по поводу того, что даже в Швеции перестали верить гитлеризованной печати Финляндии. Она писала (12.IX.1942):

«В Швеции много людей, которые, когда речь идёт о Финляндии, ограничиваются простой констатацией фактов. Чем больше длится война, тем больше оказывается у них желание охарактеризовать Фин-

ляндию, как страну, бросившуюся в авантюру. Связи Финляндии и Швеции стали за последнее время очень плохими. Шведам кажется, что им не дают знать о том, что действительно происходит в Финляндии».

Ужасно, как эти шведы хотят всё знать! Но, к счастью финского правительства, его цензура беспощадно растаптывает факты, могущие выплыть на страницы прессы. Цензура так усердно хозяйничает на страницах газет, что та же аборвская газета с глубоким вздохом констатировала: «Цензура привела к тому, что финская пресса стала довольно неинтересна, и иностранцам кажется, что она не отражает подлинного настроения народа».

Да, беспрестанное вранье никому не интересно, ни иностранцам, ни финскому народу. Но что поделась? Может быть оно и самим правителям Финляндии не особенно «интересно», но оно им совершенно необходимо. В этом всё дело.

Почему необходимо? Потому, что такую преступную войну, которую ведёт финляндское правительство, если народ узнаёт правду о войне и если за границей узнают всё, что творится в самой Финляндии, невозможно вести долго. Но надо признать, что заправилам Финляндии до сих пор не плохо удавалось скрывать и то и другое.

В стране свирепствует *террористическая тирания*, но конкретные подробности, например, из ада финляндских тюрем просачиваются лишь весьма редко. Согласно официальной статистике общее количество заключённых в 1942 году было на 40% выше «нормального»; однако в 1941 году в тюрьму попали, как официально сообщалось, 17 500 человек, между тем как в нормальные годы в тюрьмах держали около 6 тыс. человек. Сколько из этого числа политических заключённых — не сказано.

«За годы войны, — писала в марте 1943 года стокгольмская газета «Арбетарен», — в Финляндии произошло много такого, что неизвестно широкой общественности... Есть люди, которых за их социалистические убеждения уже два с половиной года держат под превентивным арестом. Если и были судебные разбирательства, они происходили при закрытых дверях. По политическим, как и уголовным делам снова введена смертная казнь, отменённая сто лет тому назад. Недавно сообщили, что в прошлом году был казнён коммунист П. Известны и другие подобные казни, но печать не хочет, да ей и не разрешают сообщать о них. С политическими заключёнными в тюрьмах обращаются очень жестоко, ибо надзиратели являются их политическими противниками (фашистами). Известного финского пацифиста Арилта Пекуринена тайно увезли из тюрьмы, в которой он сидел со временем первой русско-финской войны. Вскоре после этого его жена получила извещение, что он «погиб на фронте».

Далее эта же шведская газета рассказывает о том, как в Финляндии ныне морят голодом политических заключённых. Многие умерли от недоедания. Оставшиеся в живых сильно

истощены, но их принуждают выполнять тяжёлые работы. Многие из них от крайнего голода готовы есть даже обедки из мусорных ям и всякую гниль.

Финские тюремщики и охранники и раньше славились варварским обращением с политзаключёнными. Но после того как германское гестапо взялось руководить пытальным делом в Финляндии, истязания политзаключённых стали ещё более дьявольскими. Нам, например, известно, что в центральной тюрьме Райхимяки зверски избили одного из политзаключённых по фамилии Кауковуори; после этого он двое суток лежал без сознания. Другому, по фамилии Песси, тюремщики выстрелили в голову, издевательски объяснив, что это был «несчастный случай».

Известного социалистического деятеля доктора Маура Рюэмя беспрестанными издевательствами и пытками довели до того, что он, согласно сообщениям в шведской прессе, в прошлом году пытался в тюрьме покончить с собой. Доктор Рюэмя, как известно, был в 1940 году председателем легальной организации Общество мира и дружбы между Финляндией и Советским Союзом. За эту деятельность его осудили на семь лет, и теперь, как видно, стараются самыми подлыми фашистскими методами окончательно избавиться от него. Около 300 других деятелей того же Общества мира и дружбы в начале войны держали в концентрационном лагере Кэюлиэ, откуда их в августе 1941 года насильно отправили на фронт «растаптывать минные поля», как им, злорадствуя, говорили фашистские офицеры; в пути из них выделили 25 наиболее известных деятелей рабочего движения, которых отвели куда-то и, несомненно, убили; некоторой части из отправленных на фронт удалось перейти на советскую сторону, о судьбе же других ничего не известно.

Вот так выглядит варварское лицо нынешней «демократии» в Финляндии, если смотреть не на её маску, а на то, что скрывается под ней. Вполне понятно, что этакая «демократия» по вкусу немецким фашистам. Вообще они, как известно, провозглашают принцип «разрушения демократии» и замены её повсюду своим «авторитарным», террористическим режимом. Но с такой «демократией», какая завелась в Финляндии, немецкие фашисты, конечно, не смущаются сожительствовать. Один из главных органов гитлеризма, «Берлинер Берзенцетунг», так и писал:

«Пример Финляндии указывает на полную возможность общности судеб между руководящими авторитарными и небольшими демократическими государствами. Ни на один момент Германия не смущалась тем, что её брат по оружью — Финляндия — представляет собой страну подлинной демократии».

Чем эта «подлинная демократия» финляндской разновидности по существу ещё отличается от фашистского режима, никто не может сказать. Отличается она не по существу, а только по маскировке. Иначе говоря, она отличается тем, что реакционная плутократия Финляндии ещё старается прикрыть наготу своей террористической диктатуры лохмотьями старой «демократической» драпировки. Конечно, она хотела бы по окончании войны выбросить даже и эти лохмотья, в том числе и «парламент» и финскую социал-демократию. Но это она могла бы сделать только в том случае, если бы в войне победила фашистская Германия, а так как такая перспектива уже исчезла с горизонта, то теперь и лохмотья эти могут быть уверены, что будут ещё использованы на своём месте, поскольку это зависит от финляндской плутократии.

Об этом знают в Финляндии и фашисты и социал-демократы, но несмотря на это они время от времени устраивают между собой газетную перепалку за и против введения «нового порядка» в стране. Зачем? Ведь все они служат одному и тому же хозяину, поддерживают одну и ту же гитлеровскую политику — политику нынешнего правительства. В чём смысл их взаимных пререканий?

Смысл этих пререканий состоит, во-первых, в том, чтобы скрывать от народа подлинный характер нынешнего режима в стране. Раз спорят в газетах о том, надо ли в стране ввести фашистский «новый порядок», или сохранить «демократию», то народ может верить, что демократия всё ещё существует. Правда, народ своими глазами видит, что все его демократические права ликвидированы, но в газетах это объясняется лишь как «временные ограничения, связанные с военной обстановкой», — как будто демократия там ещё осталась в живых, хотя и живёт в невидимой форме, словно призрачная душа в небесах.

Во-вторых, гитлеровцы, продолжая через свою партийную агентуру ИКЛ вести пропаганду за установление совершенно обнажённых фашистских порядков, за снятие всякой демократической маскировки, тем самым подхлестывают своих социал-демократических приказчиков к дальнейшему усердию на службе. Устами партии ИКЛ гитлеровцы говорят своим социал-демократическим наймитам: — Тяните сильнее, не оглядывайтесь в сторону, ни на Скандинавию, ни на Англию, ни на Америку; докажите на деле, что вы заслуживаете наше полное доверие, что сумеете лучше других заставить рабочих подчиняться нашей воле, работать и воевать за наше дело, — иначе мы покажем, что страной можно управлять без вас и без парламента!

В-третьих, социал-демократические лидеры используют метод словопрений с газетами партии ИКЛ для восстановления своей политической репутации в глазах рабочих масс. Именно для того, чтобы быть полезными для правительства и гитлеризма, с.-д. лидеры должны заботиться о сохранении своего массового влияния. Своим служением фашистским «братьям по оружию» они уже сильно дискредитированы среди рабочих, и если они ещё больше потеряют массовое влияние, то скоро социал-демократические министры никакой ценности не будут представлять ни для Гитлера, ни для финской плутократии. Поэтому им обязательно нужно время от времени выступать в роли «защитников демократии», и поскольку они это делают только на словах, то ни один фашист из-за этого не обижается.

По поводу нажима фашистов на отдельных недостаточно изворотливых социал-демократов шведская с.-д. газета «Арбетарбладет», выходящая в Хельсинки, в прошлом году уже начала было нервничать и писала:

«Наглость тех кругов, которые хотят устанавливать «новый порядок», увеличивается изо дня в день. Чувствуется, что могильщики демократии решили выяснить, сколько грубостей и бесстыдства позволяет в демократической стране. Очень уж далеко зашли они».

Но фашисты хорошо знают, как далеко они могут идти в подхлестывании финских социал-демократов. Ведь никто из с.-д. лидеров ещё не вышел хотя бы из фашистского «Союза братьев по оружию», несмотря на те унижения, о которых так жалобно говорила газета «Арбетарбладет». Всё ещё в полной силе публичный пакт, заключённый социал-демократической партией в 1940 году с такими известными «могильщиками демократии», как финские шюцкоры. Стало быть, нечего бояться насчёт предела терпенья или выносливости финских социал-демократических приказчиков фашизма.

Во всяком случае у социал-демократических лидеров Финляндии имеются два качества, развитых до невиданных размеров. Одно из них — политическая лживость. Стоит только сравнить их слова и дела, как в любом вопросе увидишь непроходимую пропасть. Они, которые вместе с фашистами, шюцкорами, полицейскими и охранниками зверски задушили всякий самостоятельный голос финского рабочего класса, они в своём первомайском манифесте в 1942 году протрубыли: «Рабочий класс хочет поднять свой голос за самостоятельность, свободу и демократический общественный строй». Они, которые продали гитлеровцам и самостоятельность, и свободу, и демократические права финского народа, кричат, что «нельзя допустить, чтобы эти понятия, имеющие кардинальное значе-

ние для нашего народа, становились предметом торга». Они же, Таннер и его компании, которые добились заключения в тюрьму даже всех депутатов своей партии, не согласных с их прониками, направленными на ликвидацию демократии в стране,— имели наглость в том же первомайском манифесте воскликнуть: «Надо положить конец проникам, направленным против демократической государственной системы!»

Вот образцы их беспредельной лживости!

Но у них имеется и другое качество, достигшее мирового рекорда. Это их *угодливость перед фашистами* вообще и перед гитлеровцами в частности. Без особого мастерства в этом деле социал-демократы не сидели бы в министерских креслах в Финляндии во время нынешней войны. Это всем понятно. Ведь не случайно, что среди социал-демократов всех стран финская социал-демократическая партия — единственная, которая участвует в правительстве ставленников Гитлера, открыто поддерживает захватническую войну Гитлера и из кожи лезет вои в интересах победы этого злейшего врага свободы всех народов.

Этот факт достаточно характеризует не только финляндскую социал-демократию на нынешнем этапе, но вообще ту язву, в какую превратилась финляндская демократия. Ибо неотделимой составной частью царящей там сейчас гитлеризованной «демократии» является гитлеризованная социал-демократия.

5. Экономический кризис

Вследствие войны и немецкого грабежа Финляндия находится теперь в тисках тяжелейшего экономического кризиса. Этот кризис выражается во всём увеличивающемся расстройстве государственных финансов и в обесценении денег, в упадке внешней и внутренней торговли, в резком сокращении промышленного и сельскохозяйственного производства, в нехватке сырья и топлива, рабочей силы и продовольствия.

Военные расходы Финляндии пожирают теперь во много раз больше сырья, чем весь её государственный бюджет довоенного времени. Государственные расходы, не достигшие в 1937—1938 гг. 5 млрд. финских марок, возросли, по официальным данным, в 1940 г. до 17,5 млрд. и в 1941 г.— до 20,9 млрд. марок. О фактических расходах 1942 г. нет сведений, и государственный бюджет 1943 г., представленный сейму, был составлен совсем без учёта военных расходов («ввиду невозможности даже приблизительного их определения»). Но представитель центральной торговой палаты инженер Окоала сообщил в ноябре 1942 г.:

«Как известно, наши военные расходы составляют около 18 млрд. в год, а на будущий год государству потребуется 36 млрд. финских марок».

Об относительных размерах этой суммы можно получить представление, если учесть, что весь национальный доход Финляндии (т. е. доходы всех предприятий, акционерных обществ и всех частных лиц), по общепринятой оценке, не превышает 35 млрд. марок. Стало быть, в нынешнем году военные и другие расходы финляндского государства потребуют больше средств, чем размер всего национального дохода страны.

Откуда правительству набрать эти средства? Разумеется, правительство стремится до пределов завинтить налоговый пресс, однако, как видно из бюджета 1943 г., оно и само ожидает доходов от налогов не больше 10,5 млрд. марок. Значит львиную долю расходов правительству придётся покрывать путём увеличения государственной задолженности и путём дальнейшего увеличения выпуска бумажных денежных знаков.

Государственный долг Финляндии увеличился в течение последних четырёх лет больше чем в 10 раз. По опубликованным сообщениям правительства, государственный долг составлял (в млрд. финских марок):

В конце 1938 г.	3,4
• • 1939 •	5,6
• • 1940 •	17,2
• • 1941 •	27,7
30 сентября 1942 г.	35,2

В действительности государственный долг Финляндии уже в 1942 г. был значительно больше, ибо невыплаченные государственные облигации и возмещения убытков переселенцам достигли суммы 12—14 млрд. марок. С учётом этой задолженности, по предварительным подсчётам министра финансов, сумма государственного долга Финляндии в конце 1942 г. составляла не менее 50 млрд. марок. На выплату одних процентов и минимальной амортизации на сумму долга требуется, по его сообщению, ежегодно 3—3,5 млрд. марок, т. е. столько же, сколько составлял весь государственный долг четыре года тому назад.

Но обстоятельство, которое больше всего тревожит финских министров,— это не столько абсолютный размер государственной задолженности, сколько характер этой задолженности. Путём государственных займов правительству удалось собрать лишь меньшую долю необходимых ему средств. Всё

большую долю ему приходилось брать из кассы государственного банка. Вот картина того, как изменился характер государственной задолженности Финляндии. Из всей суммы этой задолженности составили (в %):

	1938 г.	1942 г.
Внешние займы	23	13
Долгосрочные внутренние займы	75	22
Краткосрочные внутренние кредиты	2	27
Кредиты госбанка	0	38

Как видно, наименьшую долю государственной задолженности Финляндии составляют сейчас внешние займы. Теперь уже ни одна страна, за исключением Швеции, не даёт займов Финляндии. Этому, собственно, нечего удивляться, но характерно то, что даже финские капиталисты и банкиры во время войны стали крайне скучными и насторожёнными по отношению к своему правительству: они теперь явно воздерживаются от подписки на долгосрочные государственные займы, несмотря на то что кассы частных банков переполнены бумажными деньгами. За исключением случаев, когда речь идёт о принудительном займе, частные банки главным образом представляют государству (как обычно своим не вполне платежеспособным клиентам) лишь краткосрочные кредиты, и те в совершенно недостаточном размере. Поэтому финскому правительству пришлось покрывать основную долю своих военных расходов кредитами государственного банка. Эти кредиты составили уже в сентябре 1942 г. 13,3 млрд. марок, или 38% всей суммы государственных займов и кредитов.

Как же мог госбанк покрывать такие огромные расходы правительства? В основном лишь путём увеличения выпуска бумажных денег. В мирное время в Финляндии в обороте было бумажных денег 1,5—2 млрд. марок. В 1942 г. их было уже 8 млрд., в марте 1943 г.—10,2 млрд. Такое наводнение рынка массами новых бумажных денег не могло не вызвать резкого понижения их покупательной способности, обесценения финской марки, инфляции.

Правда, правительство старалось противодействовать этому, принимая в частности меры «по регулированию цен и заработной платы». Однако оказалось, что эти меры очень мало сдерживают повышение цен, обострение дороговизны,— только зарплату рабочих правительство сумело с помощью социал-демократических профсоюзных бюрократов удержать на голодном уровне.

Время от времени министерство финансов публично жалует-

ся на «инфляционный психоз» людей, выражавшийся в опасном «бегстве капиталов к реальным ценностям», т. е. в паническом стремлении капиталистов избавиться от своих бумажных денег путём покупки всякого рода реальных вещей, особенно недвижимого имущества, а также акций предприятий. Но, очевидно, уже и само правительство перед лицом всё усиливающейся инфляции охвачено паникой, так как оно, согласно заявлению заместителя министра финансов (в апреле 1943 г.), подготовляет следующего рода отчаянную операцию финансовой хирургии. В назначенный день все находящиеся в обращении бумажные деньги должны быть отмечены особым штемпелем, без которого деньги не будут иметь хождения; при этом финансовые органы, которым поручено штемпелевание, будут одновременно изымать от населения определённую часть его денег. Оригинально и просто!

Всякие бывали формы государственного банкротства в истории разорённых государств, но такой оригинальной формы, как эта «финско-угорская», ещё никогда не было. Подумать только, правительство, нуждающееся в средствах, сперва печатает миллиардами знаки, похожие на деньги, затем за эти знаки покупает у населения всё, что ему нужно, а после этого изымает у населения обратно свои знаки (или во всяком случае достаточно солидную часть этих знаков). Возможно, что правительство, угрожая провести такую «кастрацию» кошельков населения, получит часть своих денежных знаков обратно. Однако весьма сомнительно, излечит ли применение такой фашистско-финансовой хирургии финское население от «инфляционного психоза» и восстановит ли у него подорванное доверие к денежным знакам или вообще к манипуляциям правительства. Но это уж не так важно,— ведь фашистскому правительству всё равно не приобрести доверия народа.

Во время войны все отрасли финляндской промышленности, за исключением военной промышленности, пришли в упадок. На лесоразработках, где до войны было занято 200 тыс. рабочих, уже к весне 1942 г. осталось не более 60 тыс., причём количество полноценной рабочей силы сократилось ещё больше. Работа лесопильных заводов и деревообрабатывающей промышленности парализована. Выпуск продукции целлюлознобумажных фабрик ещё в средине 1942 г. упал до 35% объёма нормальной продукции.

Только небольшая часть промышленных предприятий Финляндии работает полную рабочую неделю. Большинство текстильных фабрик, кожевенных и резиновых заводов из-за отсутствия сырья и рабочей силы вообще прекратило работу. Немцы, обещав сырьё для текстильной, резиновой и других

отраслей финляндской промышленности, просто плюнула на выполнение своих обязательств.

Особенно сильно пострадало от войны сельское хозяйство Финляндии. Острый недостаток в рабочей силе, тягле и удобренениях совершенно нарушил нормальный ход сельскохозяйственных работ. Урожай 1941 г. не был убран полностью, и собственного хлеба хватило лишь до конца года. Половина полей осталась осенью не вспаханной. Весенний сев в 1942 г. был в значительной части сорван, главным образом из-за нехватки семян, тягла и рабочей силы. Об объеме урожая 1942 г. не было опубликовано итоговых данных. В январе 1943 г. директор Эллиля, нынешний министр снабжения, известил о дальнейшем ухудшении производственных перспектив земледелия, говоря:

«Осенью 1942 г. осталось не вспаханными 25% посевной площади, и эта цифра весной еще увеличится, потому что сельскохозяйственное оборудование приходит в негодность и налицо крайне большая нехватка лошадей, сбруи и рабочей силы».

Прямо разрушительно действует нынешний кризис в области животноводства Финляндии. Если страна и в мирное время не могла удовлетворить свои потребности собственным производством хлеба, то продукцией животноводства она не только удовлетворяла потребности своего населения, но и вывозила не менее трети этой продукции за границу. Теперь же широкие массы населения и в глаза не видят ни молока, ни масла, ни мяса. По сообщению финляндского радио, поголовье крупного рогатого скота, составлявшее в нормальные времена почти 2 млн. голов, к 1942 г. снизилось до 1 млн. Поголовье свиней уменьшилось с 434 тыс. до 200 тыс., производство свинины снизилось с 55 млн. килограммов до 20 млн.; поголовье овец — с 1,7 млн. голов до 677 тыс. Больше всего сократилось конское поголовье, однако об этом никаких итоговых данных не предано гласности.

Острый недостаток в рабочей силе, от которого задыхается как промышленность, так и сельское хозяйство Финляндии, разумеется вызван исключительно тем, что преступное правительство страны бросило сотни тысяч финских мужчин в мясорубку войны. Еще в 1941 г. в финскую армию было призвано около 18% всего населения страны. Немецко-фашистская газета «Берлинер Берзенцайтунг», выражая свое признание финляндскому правительству за щедрую поставку пушечного мяса, писала: «Из всех воюющих стран Финляндия держит под ружьем самый большой процент людей». С тех пор этот процент еще увеличился, так как вследствие огромных

людских потерь финской армии она пополнялась пожилыми мужчинами и подростками.

В таких условиях понятно, что все попытки правительства раздобыть рабочую силу для других отраслей промышленности, кроме военной, как и для сельского хозяйства, до сих пор давали совершенно жалкие результаты, хотя закон о трудовой повинности был распространён не только на стариков и подростков, но даже на мальчиков от десятилетнего возраста. Поэтому финское правительство в апреле 1943 г., по примеру германского правительства, приняло решение о «тотальной» мобилизации на работу женщин. Этой мобилизации подлежат все женщины рождения 1894—1924 гг., не занятые на важных оборонных работах. Однако большинство мобилизованных женщин мало способно к физическому труду. Вскоре будет видно, получится ли от этой последней мобилизации для производства больше пользы, чем в прошлую зиму получилось от «тотальной» мобилизации непригодных для армии мужчин. Очевидно, что участие этих «тотально мобилизованных» на лесозаготовках было скорее источником забав, чем реальной пользы, как это признал даже один из правительственных органов, «Хельсинки Саномат», поместивший о работе официальной комиссии по трудмобилизации издевательскую статейку, в которой говорилось:

«Задача комиссии действительно легка, ей не нужно чесать в затылке, размышляя над тем, какое найти «поприще» для мобилизованного... Если он косоглаз, тем лучше, — из него получится чудный лесоруб; ведь он видит ствол одновременно со всех сторон. Если он косолап, пусть работает возчиком. Если же он страдает цветной слепотой, тоже не беда, — всё равно, что валить: берёзу, сосну или ель, лишь бы не свалить правительство».

Как видно, в этой стране виселиц и в области юмора единственное, что еще осталось, — это юмор висельника.

6. Голод

Продовольственный кризис в Финляндии дошел еще в 1942 г. до такой остроты, что даже фашистская печать не могла скрыть своего беспокойства по поводу серьезности положения. Так, например, немецко-фашистская газета «Дейче Рундштадт» в конце мая 1942 г. писала:

«Положение Финляндии велёгкое... Ежедневная норма в среднем составляет 200 граммов хлеба, 10 граммов жиров и около 10 граммов мяса. Домашняя хозяйка в Хельсинки бывает счастлива, если в течение месяца ей удастся достать 200—300 граммов рыбы и немного картошки».

Ввиду дальнейшего понижения производительности труда на предприятиях в результате истощения рабочих правительству пришлось в ноябре 1942 г. увеличить норму хлеба на 50 граммов в день, т. е. до 250 граммов, и месячную норму жиров на 100 граммов, т. е. до 500 граммов. Начиная с 1 июля 1943 г. норма выдачи хлеба была снова сокращена до 200 граммов; в августе пришлось опять восстановить норму в 250 граммов, а что будет осенью и зимой, никто не знает.

Для многих трудящихся Финляндии спасением от голодной смерти в 1942 г. служило лишь то, что они могли раздобыть некоторое количество репы или брюквы. Картофель же стал редкостью на столе рабочего. «Суомен Сосиалидемокраатти» сообщала, например, 30 сентября 1942 г., что в Хельсинки сдался сильнейший картофельный кризис как раз во время картофельного сезона. «Во всём городе можно раздобыть картофель только в незначительном количестве, и то лишь в момент его доставки». В декабре эта газета писала: «Тот картофель, который выдаётся жителям Хельсинки, большей частью испорчен. Установленную министерством снабжения норму выдачи картофеля в Хельсинки практически невозможно достать, и она стала чисто теоретической».

Было бы, однако, неверным сказать, что в Финляндии все люди голодают. Нет, голодают народ, но эксплоататоры народа не голодают. Голодают те, у которых нет крупных средств.

Корреспондент шведской газеты «Стокгольмс Тиднинген» пишет из Хельсинки: «В Финляндии привыкли платить спекулянтам любую цену за продовольствие». Кто «привык», это выясняется из продолжения той же корреспонденции: «Товар, на который устанавливается предельная цена, обязательно исчезает со свободного рынка, попадает в сферу спекулятивной торговли, и малоимущие его не получают». Для большей ясности корреспондент ещё добавил: «Покупатели делятся на две категории — на денежных и безденежных. Борьба за хлеб в течение всей прошлой зимы протекала между этими двумя категориями».

Эта борьба для «безденежных» совершенно непосильна в стране, где «денежные» пользуются всесторонней поддержкой властей, которые отстаивают не только интересы денежного мешка вообще, но и частные интересы спекулянтов и мародёров, использующих обстановку войны и голод в целях лёгкой наживы.

Несмотря на то что людям отпускают лишь часть тех продуктов, которые полагаются по карточкам, многосемейные рабочие часто из-за нищенской зарплаты не в состоянии выку-

пать даже назначенные для них продукты. Кроме того, домовладельцы взимают свою нескромную долю в виде квартирной платы и перекупщики дров — за топливо. Газета «Суомен Сосиалидемокраатти», говоря о недостаточном размере пособий семьям призванных в армию, писала 14 сентября 1942 г., что «даже самая дешёвая квартира стоит не менее 200 марок в месяц и кубометр дров — 300 марок». К этому газета вынуждена была прибавить: «Действительно чудо, что семьи призванных со своими маленькими пособиями могут жить».

Официальный индекс необходимых расходов на жизнь повысился во время войны на 85%. По этому индексу на жизнь рабочей семьи из четырёх человек требовалось в 1939 г. годового дохода 24 тыс. марок. Ныне, в соответствии с повышением цен, для содержания такой же семьи потребовалось бы годового дохода 44 тыс. марок. Но в действительности заработка плата большинства финских рабочих не достигает и половины этой суммы.

Даже финский министр социального обеспечения социал-демократ Фагерхольм, который по поручению правительства время от времени посещает Швецию, говорит там (конечно, не в Хельсинки) о царящем в Финляндии голоде, стараясь признанием этого факта склонить шведов к оказанию финляндскому правительству материальной помощи, необходимой ему для продолжения войны. Например, на собрании шведско-финского общества 10 января 1942 г. этот финский министр воскликнул: «Я вообще не могу понять, как могут существовать люди в Финляндии!»

В самом деле он понимает немножко больше, чем хочет признать, ибо, во-первых, он знает, что многие люди в Финляндии из-за голода уже перестали «существовать». Смертность в стране начиная с 1941 г. стала превышать рождаемость. Особенно велика смертность среди детей. Например, за первое полугодие 1942 г. почти 60% всех умерших в тылу были дети.

Во-вторых, финский министр социального обеспечения, несомненно, знает и многочисленные факты массового истощения людей Финляндии. По данным финских врачей, городское население страны во время войны потеряло 10% веса (это ещё в 1942 г.). Не могу ручаться за точность этой оценки, но даже в том случае, если потеря веса на душу населения не была больше 10%, рабочий народ, конечно, потерял гораздо больше из своего прежнего веса. Ведь надо в подсчётах учитывать, что туши «денежных» покупателей продовольствия либо похудели меньше, либо совсем не похудели,

а крупные капиталисты, банкиры, помещики и всё поголовье фашистских наймитов обоего пола могли даже жиреть.

Авторитетная швейцарская газета «Национал Цайтунг» писала 22 сентября 1942 г.:

«Финны в среднем получают на 30—40% калорий меньше, чем необходимо для человеческого организма, а нехватка витаминов в их пище ещё больше. Мяса и жиров зачастую совсем нет. Для народа, живущего в северном климате, где требуется жириная пища, это особенно тяжело».

Здесь следует опять помнить, что этот средний процент далеко не полностью выражает фактическую нехватку калорийности и витаминов в пище трудящихся и вообще бедных слоёв народа. Значит они уже охвачены патологическим процессом истощения. В связи с этим угрожающим фактом разные круги финских врачей и учёных усиленно боятся над проблемой: нельзя ли какими-либо заменителями предотвратить дальнейшее массовое истощение народа. В печати было опубликовано немало «умных», но практически бесполезных рецептов по этой части. Одно время финские газеты больше всего пропагандировали «авторитетные» высказывания профессора хельсинкского университета Симола, который рекомендовал широкое применение древнефинского заменителя хлеба—сосновой коры. Вдобавок он промолвил: «В природе найдётся и много веточного корма, который можно прибавлять в хлеб». Это уже заменитель корма скота, который, как и сосновая кора, никаких калорий и витаминов не содержит. Значит все эти заменители совершенно бесполезны и непригодны для питания. Это хорошо известно и профессору Симола, но сие светило кормовой науки, чтобы не спасовать перед неодолимой трудностью основного вопроса, в конце своей статьи выдвинул новый, так сказать «политический заменитель», говоря дословно:

«Время требует и иного, чем калорий и витаминов,— прежде всего упорства и выдержки. Ими заменяется безо всякого чисть недостатка пищи».

Так разоблачил себя этот учёный изобретатель непригодных заменителей народного питания. Он сам обнажил себя как циничный заменитель обычного фашистского подстрекателя к продолжению войны. Ему не совестно призывать людей, которых нынешнее правительство морит голодом, «заменить» недостаток пищи «упорством». В то время когда буржуазная печать даже далёких от Финляндии нейтральных стран, как Швейцария, со скорбью отмечает, например, такой страшный факт, что смертность детей в некоторых местностях Финляндии

дни «уже в 7 раз больше, чем в прежние годы» («Национал Цайтунг» от 22 сентября 1942 г.), в самой Финляндии фашистский шарлатан в мантри учёного цинично сводит дело к тому, что люди «недостаточно заменяют» калории и витамины «упорством» в фашистской войне.

По самым осторожным подсчётам известного детского врача профессора А. Ильпе, в 1942 г. в Финляндии свыше 100 тыс. детей нуждались в немедленном добавочном питании. Этот врач нашёл в себе мужество требовать, по крайней мере для детей, наиболее истощённых, именно добавочного питания, а не захарских заменителей профессора Симола. Но никто не сомневается в том, что большинство этих детей так и осталось без всякого добавочного питания.

Другой финский врач, секретарь общества борьбы с туберкулёзом доктор Савонен, сообщал, что случаи заболевания туберкулёзом среди детей растут во время войны с ужасающей быстрой вследствие ослабления сопротивляемости детского организма.

В Швеции даже такая газета, как «Согверксэгарен», орган владельцев лесопильных заводов, поместила статью о неописуемых лишениях финских рабочих и их детей. Автор статьи был руководителем шведской делегации, побывавшей в 1942 г. в восточной Финляндии для оказания материальной помощи финнам, работающим в лесной промышленности. Он писал следующее:

«Труднее всего приходится, конечно, беднейшему населению Финляндии. Беднота не в состоянии покупать продовольственные продукты на вольном рынке из-за слишком высоких цен. Беднота Финляндии переносит нечеловеческие страдания! Взглянули бы вы только на детей этих бедняков! Вздутые животы и одна кожа да кости. Без обуви и чулок, одеты зачастую в рваную рубашку или укутаны в старый платок. Подобные картины запечатлеваются на всю жизнь».

Повторяю, что это из шведской предпринимательской газеты.

Резкое увеличение заболеваемости и особенно широкое распространение туберкулёза происходят сейчас не только среди детей, но и среди взрослого населения Финляндии. Это прямое следствие продолжительного недоедания и нищеты народных масс. Из финской печати видно в частности, что туберкулёз распространяется теперь усиленными темпами не только в городах и рабочих посёлках, но и среди крестьянских масс.

Ещё в 1942 г. в Финляндии констатировали, что смертность во время войны оказалась в тылу почти столь же высокой, как и на фронте.

Не зря называют Финляндию сейчас «страной кладбищ». Не зря измученные, умирающие люди перед смертью проклидают преступную гитлеровскую войну и преступное правительство Финляндии, обрекающее их на гибель.

7. Отчаяние и моральное разложение

Ещё осенью 1941 г. и в последующую зиму выявилось недовольство народных масс Финляндии войной. В течение 1942 г. это недовольство развивалось по двум разным направлениям. У наиболее сознательной части трудящихся оно вылилось в жгучую ненависть к правителям—виновникам войны—и в стремление к активному сопротивлению фашизму (об этом будут приведены примеры в следующей главе). У другой части трудового народа недовольство войной превратилось в пассивное отчаяние.

Отчаяние—это, пожалуй, и в настоящий момент самое характерное выражение настроений большинства народных масс Финляндии, что видно, например, из многочисленных известных нам писем родных солдатам финляндской армии. Явно чувствуется, что люди измучены бесправием и фашистским засилием, принудительным трудом и жестокой эксплуатацией, разорением и обнищанием, стонут от организованного фашистским правительством грабежа, рабства и кровопролития. Явно чувствуется, что люди переносят кошмарные муки голода, холода, унижений и горя. Но большинство этих людей ещё не видит выхода из созданного фашистско-военного ада, ещё не нашло в себе силы и решительности для гневного протesta против своих мучителей, а мечется в муках отчаяния.

С этим связано и распространяющееся в гитлеризованной Финляндии моральное разложение. Фашистская чума вообще заражает своё окружение нравственным разложением, варварским огрублением нравов и ядом преступности. Но особенно опасные, эпидемические формы принимает эта зараза там, где большинство народных масс загнано в состояние политического отчаяния,—а это как раз и случилось теперь в Финляндии.

Даже фашистские заправили Финляндию, которые сами открыли все ворота для коричневой чумы, начали теперь жаловаться, что эпидемическая зараза в области нравственности бурно распространяется в стране, настолько бурно, что из-за этого вообще падает финский «моральный дух». Так, например, президент Рюти в октябре 1942 г. говорил по радио:

«Вследствие длительной войны в тылу наблюдается падение морального духа... Увеличивается алкоголизм, распространяется эгоизм,

в вызывающих тревогу размерах растёт преступность, бросается в глаза моральное разложение».

Факты, упомянутые господином Рюти, бесспорны и всем очевидны. Сомнительно только данное им объяснение, что эти позорные факты морального разложения, распространяющегося в Финляндии, являются просто следствием «длительной войны». Пусть он тогда объяснит, почему длительная война в одних странах, как в Финляндии, Германии, Италии, вызывает моральный упадок, а в других странах, как Советский Союз и вообще страны антигитлеровской коалиции, вызывает моральный подъём народа. Очевидно, дело зависит не просто от длительности войны, а от её целей и политического характера: справедливая, освободительная война явно вызывает моральный подъём народа, а несправедливая, захватническая война приводит к моральному упадку. Это один из основных политических законов войны.

От господина Рюти, доверенного лица Гитлера на посту президента Финляндии, конечно, нельзя ожидать, чтобы он правдиво и честно объяснил, почему в Финляндии вдруг появился такой неслыханный разгул воровства, грабежа, убийств, пьянства и разврата. Иначе бы ему пришлось объяснить дело так: когда само правительство организует и проводит в стране систематическое воровство, грабёж и насилие над народом, когда оно заставляет и свою армию заниматься грабежом и зверским насилием людей на захваченной ею чужой территории, тогда нечего удивляться тому, что многочисленные подданные и воспитанники этого правительства проявляют и «частную инициативу» в совершении таких же преступлений. Когда само правительство создаёт фашистской военщине, особенно немецким войскам, находящимся в Финляндии, удобные условия для развратной жизни, тогда вполне понятно, что разврат распространяется в стране безудержно.

Что же касается распространения пьянства в нынешней, гитлеризованной Финляндии, то простая финская женщина из города Вааза, мать капрала Л. Хиетамяки, в своём письме сыну на фронт сумела объяснить это гораздо правильнее, чем президент Финляндии. Она писала об этом так:

«Здесь, в городе, пьяничают теперь поголовно все, даже молодые девушки. Это вполне понятно, ибо ничего нельзя достать, а водка продаётся без карточек».

Как видно, финляндское правительство войны и голода создало удобные условия также для массового распространения алкоголизма. Весьма характерно и то, что в прошлом году правительство назначило министра социального обеспе-

чения социал-демократа Фагерхольма на пост главного директора монопольного общества по изготовлению и продаже водки. Значит он является теперь одновременно и министром социального обеспечения, и главным продавцом водки в Финляндии. Очевидно, правительство при этом руководствовалось тем соображением, что так как голодный народ от министерства социального обеспечения всё равно ничего реального в рот не получает, то пусть этот министр организует народу возможность пьянствовать для своего утешения и в пользу пустой государственной казны.

IV

ПЕРСПЕКТИВЫ БОРЬБЫ ЗА ЛИКВИДАЦИЮ ГИТЛЕРИЗМА В ФИНЛЯНДИИ

1. Рост возмущения и активного сопротивления трудящихся

Наряду с пассивным отчаянием и процессом морального разложения в Финляндии происходит и другой процесс: превращение недовольства трудящихся войной в гневное возмущение и в активное сопротивление распоряжениям фашистских правителей.

Правда, этот процесс пока ещё развивается медленно. Большинство трудящихся Финляндии, находясь под давлением террористического режима, сегодня ещё пока без массового протesta терпит неописуемые муки войны, голода, рабства.

«Можно, если кто-нибудь хочет, хвалить наш режим за то, что недовольство до сих пор не приняло резких форм», — писала газета «Арбетарбладет» от 11 сентября 1942 г. в итогах обследования нищеты в рабочих семьях города Хельсинки, и добавила: «Наш народ владеет неслыханным терпением... Если бы была свобода слова, то, несомненно, мы услышали бы и в прессе и на митингах совершенно иные песни».

«Иные песни» и ныне слышны в Финляндии, хотя не в прессе и не на митингах, а, например, на лесоразработках и вообще в местах принудительных работ. В многочисленных письмах родных финским солдатам на фронт отражается возмущение по поводу режима принудительного труда. Например, жена солдата В. Пояхёла из города Сало неоднократно писала ему об этом:

«В конце месяца, — в сентябре 1942 г. пишет она, — отсюда поедут на субботник на заготовку леса. Сперва говорили, что это не обязательно, но так как добровольцев не нашлось, стали принуждать. Меня они не обманут своими «субботниками».

Теперь здесь закрывают много предприятий, — пишет она 4 октября 1942 г., — и людей гонят на поля для уборки корнеплодов. Женщины настолько злы из-за принудительной работы, что для них создана специальная дисциплинарная рота. Прямо как будто живём не в двадцатом веке, а в средневековье. Только розог ещё недостаёт, но вряд ли пройдёт много времени, как и их введут в употребление. Вся жизнь становится бэзумством».

Широкая пропагандистская кампания, которую правительство развернуло в 1942 г. для мобилизации добровольцев на общественные работы, провалилась с треском. Главари правительства объявили «дух субботников» самым характерным выражением финского национального духа, но почему-то финский люд на субботники не пошёл. Тогда правительство оставило метод субботников и с января 1943 г. перешло по всей линии к системе «тотального принуждения». Однако оказалось, что «финский национальный дух» на практике не исключает массового уклонения даже от принудительных работ. Согласно сообщению финского радио от 20 февраля о мобилизации рабочих, проведённой к данному времени в 123 муниципальных приходах (из всего числа 500), на призывающие пункты явилось 54 500 человек и не явилось 11 500 человек, т. е. 17,5%. Принимая во внимание условия свирепого режима в Финляндии, надо признать, что этот процент нарушителей мобилизационного приказа является весьма высоким.

В связи с этим финская печать выступала с тревожными статьями о «невыполнении внутренним фронтом своих обязанностей» и о растущем антивоенном саботаже в промышленности и сельском хозяйстве. В феврале 1943 г. все хельсинкские газеты опубликовали статью представителя союза промышленников инженера Херлинга, который жаловался:

«Производительность труда на предприятиях ужасающе низка. Внутренний фронт не выполняет своих обязанностей. Так дальше продолжаться не может... Очень часто рабочие по несколько раз за смену прерывают работу».

Если это верно, то, очевидно, и в этой форме проявляется сопротивление финских рабочих военно-фашистской политике правительства.

Крестьянское население Финляндии в широких масштабах саботирует проведение грабительских мероприятий правительства. Ещё весной 1942 г. некоторые правительственные органы, ссылаясь на материалы министерства снабжения, жаловались, что крестьянское население прячет хлеб и скот, прекращает поставку молока маслозаводам и т. д. Тогда же правительство вслед за распоряжением о конфискации у

крестьян посевного зерна издало постановление о поголовной проверке продовольственных запасов в деревнях. По всем селениям страны министерство снабжения разослало контролёров, которые устраивали форменные обыски среди населения в поисках продовольствия. Газета «Суомен Сосиалидемокраатти» вынуждена была признать, что попытки правительства изъять остатки продовольствия вызвали массовое недовольство и противодействие крестьян.

Затем финляндские власти стали привлекать крестьян к суду за нарушение чрезвычайных мер правительства. Например, в общине Лайтила в начале октября 1942 г. было привлечено свыше 100 крестьян, в Пиртумо 40 крестьян, в Вэйрю 30 крестьян. В приходе Эспо все крестьяне были осуждены за невыполнение поставок молока и яиц, причём в качестве компенсации их заставили зарезать 100 коров и 400 кур. За весь 1942 г. судами было рассмотрено около 10 тыс. случаев нарушения постановлений министерства снабжения.

Это, конечно, только обострило озлобление крестьянского населения. Правительству пришлось усилить состав полиции в деревнях. Несмотря на это, массовый саботаж выполнения правительственные распоряжений не прекратился. Летом крестьяне во многих местах постоянно держали скот или часть скота в глухом лесу, чтобы спасти продукцию от загребущих лап правителей. Местами крестьянское население регулярно кормило дезертиров, скрывающихся в лесах:

Сообщая о ходе выполнения государственных поставок, газета «Хувудстадебладет» от 23 ноября 1942 г., т. е. уже поздней осенью, писала, что «пока крестьяне выполняют поставки лишь в незначительном размере». Нормы этих поставок сами по себе высокие (например, в южной Финляндии норма поставок ржи 9 центнеров с гектара, овса — 10 центнеров); но если у крестьянина после сдачи нормы ещё что-нибудь останется, не считая минимального пайка для питания, то правительство изымает и этот остаток. В июне же 1943 г. министр снабжения известил, что правительство намерено «заставить всех крестьян сдать государству и часть того зерна, которое в прошлом году было оставлено им для личного потребления».

Такой произвол, конечно, содействует тому, что крестьяне стараются саботировать все государственные поставки. Кроме того, финские крестьяне, которые в мирное время нередко продавали лес, чтобы раздобыть деньги для уплаты налогов и долгов, теперь отказались продавать лес. Тогда правительство издало распоряжение о принудительной продаже леса

и старается отнять у крестьян и этот источник существования.

Наряду с этим в стране развивается политическая борьба против антисоветской войны финляндского правительства. Эта борьба ведётся группами подпольной компартии и другими антифашистскими кругами.

Об этой борьбе свидетельствуют, во-первых, не прекращающиеся аресты, производимые правительством среди своих политических противников. О том же свидетельствуют, во-вторых, постоянно повторяющиеся выступления министров и правительственный печати с жалобами и угрозами по адресу «опасных элементов», которые распространяют «антиправительственные слухи» или сеют среди населения «яд пессимизма, неуверенности и недовольства» и т. п.

Политические процессы в Финляндии ныне проводятся, как правило, при закрытых дверях, и поэтому о них просачивается мало сведений. Я уже упоминал о приговорах и расправе над активистами Общества мира и дружбы с СССР. В феврале 1942 г. были присуждены к длительным срокам тюремного заключения шесть социал-демократических депутатов во главе с бывшим секретарём ЦК социал-демократической партии Вийком за оппозицию против преступной военной политики клики Рюти — Таннера — Маннергейма. Но правильно говорила одна фашистская газета («Кансаллиссосиалисти»), заявляя: «Надо откровенно признать, что, несмотря на приговор оппозиционной группе, её сторонников в Финляндии имеется ещё много».

В Финляндии действуют отдельные партизанские группы, хотя правительству до сих пор и удавалось подавлять развитие широкого партизанского движения. В финской Лапландии действует отряд финских и норвежских партизан под начальством норвежца Х. Ларсена. Шведская газета «Афтонбладет» сообщила также, что шведская полиция в декабре 1942 г. арестовала в северной Швеции группу финских партизан, перешедших шведскую границу. Газета рассказывает, что когда началась война, среди населения северной Финляндии было много сочувствующих СССР, которые организовали вооружённые группы и ведут борьбу против фашистов.

«Лесной гвардией» называют разрозненные группы убежавших из армии дезертиров, которые скрываются в лесах и при случае, оказывают вооружённое сопротивление вылавливающим их полицейским и шюцкоровцам. Возможно, что часть этих групп превратилась или превратится в партизанские отряды.

О действиях финских партизан свидетельствуют нередкие

случаи убийства полицейских, охранников, немецких офицеров и солдат, а также диверсионные акты по разрушению важных для ведения войны объектов. Обычно финская печать замалчивает о таких действиях, и лишь иногда отдельные факты проскальзывают в политических статьях газет. Так, например, газета «Вааса» от 27 ноября 1942 г. писала: «Многочисленные пожары и аварии в нашем округе доказывают, что среди нас действуют диверсанты». Газета «Турун Саномат» от 28 ноября 1942 г. говорила о диверсионных актах, совершенных подпольными группами в разных местах Абосского округа.

Шведская газета «Дагенс Нюхетер» сообщила из Хельсинки, что в конце прошлого года в городе Або был приведён в исполнение смертный приговор, вынесенный члену компартии Финляндии тов. Р., который, состоя в подпольной боевой организации, путём взрывов разрушал мосты. Другая шведская газета, «Свенска Дагбладет», передала 13 февраля 1943 г., что суд вблизи города Пори приговорил к смертной казни рабочего Яаккола, который убил лесничего, донесшего полиции о том, что Яаккола тайно хранил оружие.

Известный коммунист Вейкко Пэусти, которого две команды полицейских и охранников пытались арестовать 23 декабря 1942 г. вблизи Хельсинки, оказал стойкое вооружённое сопротивление. Он был убит, но в предсмертной схватке успел убить двух полицейских, в том числе и командира полицейского отряда, ранить одного полицейского и одного охранника. Газета «Полицейский» в № 1 за 1943 г. рассказывает, что этот бой продолжался два часа; участвовавшие полицейские команды, вооружённые автоматами и газопистолетами, произвели при этом 1 300 выстрелов. Против них до последней капли крови храбро боролся один коммунист.

Фашистская газета «Аян Суунта» от 12 марта 1943 г. опубликовала извещение о смерти видного чиновника финской охранки Хокансон (имевшего служебный стаж более 20 лет), который 6 января принимал участие в аресте известного коммуниста Марти Койвистойнена. Последний ранил сыщика и полицейского, а Хокансону нанёс столь тяжёлые раны, что тот позднее умер от них.

В октябре 1942 г. в городе Тампере и окрестностях была арестована подпольная группа из 16 человек. Среди арестованных был вожак группы, рабочий автомастерских А. Такатало, который при аресте оказал вооружённое сопротивление и ранил полицейского; сам он тоже был ранен и долго лежал в больнице. Дело этой группы разбиралось в суде в феврале 1943 г. при закрытых дверях. Такатало был приведён в зал

суда в кандалах. Приговор нам неизвестен, но характерна подлость прокуратуры и суда, ставившихся политически опровергнуть членов этой боевой группы, обвиняя их в «краже со взломом», на том основании, что они где-то доставали себе или присваивали тюки писчей бумаги, очевидно необходимой для политической работы. Газета «Суомен Социалидемократия» тоже клеймила этих обвиняемых уголовными преступниками, совершенно забыв, что она сама тремя месяцами раньше, сразу после ареста этой группы, характеризовала её членов как «фанатиков», действующих «под влиянием какой-то идеи».

«Таких людей, — писала тогда газета, — ничем нельзя образумить... Они испоколебимо верят, что большевистская Россия действительно осуществила социализм, что там рабочий класс управляет государством... Они уверены, что они способствуют улучшению положения рабочего класса и всего мира.

Такие фанатики охотно совершают любые диверсии... даже тогда, когда собственная страна находится в состоянии войны. Они считают, что для дела полезно, если какими угодно средствами удастся уменьшить силу сопротивления своей страны в пользу противника. Вот почему они готовы выполнять диверсионные акты, как показывает пример группы в Тампере».

Как видно, характеристика, данная заклятым врагом, не так уж плоха для политической части таммерфорской боевой группы.

Для обеспечения своего спокойствия в столице страны Хельсинки финское правительство считает необходимым производить там постоянные полицейские облавы и аресты. По официальным данным, опубликованным в финской печати, в городе Хельсинки за 1942 г. было произведено 13 494 облавы, т. е. в среднем 38 полицейских облав ежедневно. Во время этих облав было арестовано 23 261 человек, из них 6 097 солдат, 1 390 разыскиваемых полицией, 4 258 без удостоверения личности, 426 с поддельными удостоверениями личности и труда, 1 856 призванных на трудовую службу, но уклонявшихся, и т. д.

Цифры — для такого города, как Хельсинки, немалые. Даже рекордные.

2. Рост недовольства в рядах армии

Финляндия понесла в войне, особенно в 1941 г., большие потери в людях. Корреспонденты швейцарской печати сообщили в 1942 г., что потери финской армии только убитыми составляют 8% всего мужского населения. Страна превращена в сплошной военный госпиталь. Инвалиды войны встречаются повсюду.

Норвежский журналист Фрик Бьертнес, вернувшись из Финляндии, писал:

«Ни для кого не секрет, что финны дорого платят за эту войну. Недавно я совершил автомобильную поездку по стране. К каждой маленькой финляндской церкви тянулись длинные похоронные процессы. Хоронили убитых на войне солдат».

Столь огромные потери уже в некоторой степени объясняют подавленное настроение, царящее в финляндских войсках. Но не целиком.

В захваченном Красной Армией ещё в конце 1941 г. секретном приказе командира 3-го финляндского армейского корпуса генерал-майора Сийласву было сказано: «Подтверждаются явления физической и моральной усталости солдат, происходящие вследствие того, что война продолжается уже свыше 4 месяцев». Ну, если армия уже на пятом месяце войны оказалась не только физически, но и морально уставшей, то вся кому ясно, что это результат не продолжительности войны, а более глубоких причин.

Что такое «моральная усталость» у солдат? Это — нежелание воевать. Несомненно, самое распространённое, господствующее настроение у солдат финской армии — это именно *нежелание воевать*. Оно явно чувствуется, например, почти во всех солдатских письмах, которые попали в руки Красной Армии, а этих писем были тысячи. В той или иной форме чуть не каждый финский солдат в своей переписке с родными и знакомыми в тылу выражает своё желание поскорее избавиться от войны и прежде всего от пребывания на передовой линии фронта. Даже возможность попасть в госпиталь вследствие не слишком тяжёлого ранения считается желанной. В этом отношении весьма типичными являются такие высказывания финских солдат, как, например, в письме солдата Паули Лаакия брату:

«Тебе-то хорошо, ты лежишь в госпитале, — там хотя бы отдохнёшь, а мне никак не посчастливится попасть в госпиталь».

Нетрудно понять, почему у солдат финляндской армии такое сильное нежелание воевать.

Во-первых, потому, что они не видят никакой справедливой цели, которая оправдала бы войну Финляндии.

В начале войны 1939/40 г. между Финлядией и СССР хельсинкскому правительству ещё удалось обмануть большинство солдат и призывников, внушив им, что необходимо «защищать отчество». В нынешней же войне это ему плохо удалось. Слишком явно было всем, что войну начало не советское, а финляндское правительство совместно с фашистской Герма-

нией. Отсюда и массовое дезертирство в финляндской армии уже в самом начале войны.

Финское правительство кричало в первые дни войны: «На нас напали!» Но так как советские войска нигде не переступили финляндскую границу, то мало кто верил правительственным крикунам. Правительство старалось также вызвать в армии реваншистское настроение, объявляя эту войну «продолжением зимней войны». Но это действовало в основном лишь на фашистских офицеров, а если некоторая часть финских солдат и поддалась этому подстрекательству, то только в самом начале войны, когда финляндская армия ещё не ушла дальше тех новых советских районов, которые по мирному договору 1940 г. отошли от Финляндии к Советскому Союзу. После этого реваншистские настроения в финских войсках иссякли.

Премьер-министр финского правительства Линкомиэс заведомо лжёт, говоря (12.V.1943 г.), что «финские солдаты знают, за что они борются, и борются по внутреннему убеждению». Как раз этого-то и нет. И даже Линкомиэс не может им толково и правдиво сказать, за что они должны воевать. А если у самого правительства нет решимости без дипломатических выкрутас огласить свои цели войны, то понятно, что у его солдат тем менее имеется решимости и желания проливать свою кровь в такой войне.

Более того, финские солдаты не желают и слушать объяснений правительственные пропагандистов о целях войны Финляндии и Германии. Этот факт косвенно признают и командиры финских войск. Вместо политических пропагандистов они обычно приглашают из тыла для выступлений во фронтовых частях и гарнизонах известных юмористов и всяких клоунов с «увеселительной» программой. Никакой идейной жизни в финляндской армии нет.

Но хотя финский солдат не видит никакой справедливой цели войны Финляндии, это не значит, что он вообще ничего не смыслит в характере этой войны. Захватнические цели, диктуемые интересами господствующей плутократии Финляндии, не привлекают солдатскую массу финской армии. Рядовой финский солдат из среды трудового народа, каким бы он ни был политически отсталым человеком, не может не чувствовать, хотя бы смутно, что его послали воевать в чужую страну за чуждое ему неправое дело. Жертвовать собой за такое дело он не желает.

Во-вторых, это нежелание финских солдат воевать вытекает из отсутствия у них всякой веры в возможность победы Финляндии в этой войне.

Заправилы Финляндии до зимнего наступления Красной Армии 1942/43 г. верили в победу немцев, верили потому, что им очень хотелось верить, и на этой слепой вере они строили все свои расчёты. Солдаты же финской армии уже тогда более трезво оценивали соотношение сил воюющих сторон и, как правило, считали иллюзии фашистов насчёт «уничтожения» Советского Союза просто дурацкими. Ибо солдаты в своей оценке сил исходили из реальных уроков, преподнесённых им на поле сражения как в нынешней войне, так и в зимней войне 1939/40 г., которая у них оставила в памяти неизгладимое впечатление о могучей ударной силе Красной Армии. О боеспособности же немецких «союзников» Финляндии у финских солдат создалось не слишком высокое мнение, так как они видели, что немецкие войска в лесах Карелии плохо воюют. И после тех огромных поражений, которые немцы понесли на советско-германском фронте, а также в Северной Африке, никакими средствами невозможно внушить финским солдатам веру в победу Германии и Финляндии в этой войне.

В-третьих, все сведения, которые рядовой солдат финской армии получает из дома, усиливают у него нежелание воевать. Он стремится скорее вырваться из мясорубки войны, чтобы притти на помощь своей нуждающейся семье.

У него самого питание в армии неважное, и этим он, конечно, недоволен; но гораздо больше его беспокоит голод родных в тылу. Солдата-крестьянина особенно волнует то, что важнейшие сельскохозяйственные работы дома остаются невыполнеными.

Помимо того, финский солдат знает из писем родных и рассказов отпускников, что тысячи здоровенных мужчин из привилегированных слоёв населения в течение всей войны «без дела окотачиваются в тыловых городах и в снабженческих учреждениях». На этом фоне длящаяся годами служба на фронте представляется многим финским солдатам горькой несправедливостью. Характерно также то, что отношение финских солдат к немцам стало критическим и неприязненным не столько из-за общей империалистической политики Германии, сколько из-за поведения немецких офицеров и солдат в Финляндии — в тылу, на «домашнем фронте». Они издеваются называют немцев своими «поручителями», объясняя это название тем, что немцы своим присутствием в Финляндии «ручаются за то, что мы на фронте лишимся своей жизни, а в тылу — своих жён и невест».

В переписке финских солдат с родными основным мотивом является остающийся без ответа вопрос: «Когда же, наконец, скончится эта несчастная война?» Вообще финский солдат в

своих мечтах устремляется с фронта в тыл, к домашнему очагу. И родные с нетерпением ждут его возвращения, настойчиво подчёркивая это в своих письмах. Их главная забота о нём выражается, как правило, в часто повторяющихся личных призывах вести себя на фронте «не слишком смело», а всячески «сберегать свою голову».

Конечно, среди солдатской массы имеются и бандитские элементы, которым безразлично, где бесчинствовать — в тылу или на фронте. Но это не большинство. Подавляющее большинство солдат и даже офицеров-резервистов изо дня в день ждут возможности возвратиться домой. «Домой!» — вот основное желание финских солдат.

При этих обстоятельствах вполне понятен тот факт, что дезертирство из финской армии приняло столь широкие размеры, какие вряд ли имеются в какой-либо другой из воюющих стран. Строжайшие меры правительства и военного командования не в состоянии были остановить распространение дезертирства. По показаниям многих финских военнопленных, количество дезертиров было бы ещё значительно больше, если бы солдаты финской армии не боялись, что их семьи лишатся пособий и продовольственных карточек. Это указывает на то, что в финской армии имеется много завтраших дезертиров.

Наряду с дезертирством в частях финской армии отмечается много случаев отказа ити в наступление.

Ещё в сентябре 1941 г., когда финскую армию погнали в наступление на Ленинград, значительная часть солдат 27-го и 57-го полков отказалась ити дальше старых границ. Осенью 1942 г. стокгольмский корреспондент «Нью-Йорк Таймс» сообщил, что, как ему заявили в кругах, близких к финскому генштабу, на одном участке фронта два батальона финских солдат численностью в 2 тыс. человек отказались воевать на советской территории. Случаев, когда более мелкие группы отказывались подчиняться приказаниям командования, было много. Лишь в одном приказе № 10 по 3-й финской дивизии было объявлено о вынесении полевым судом наказания за «продолжающийся саботаж приказаний начальства» 15 солдатам, в приказе № 12 — 41 солдату и т. д. Большинство же таких случаев остаётся без всякого наказания, так как командиры и военно-прокурорские органы в 1942 г. получили указание генштаба не возбуждать военно-судебных дел в случаях *массового* отказа солдат от выполнения приказаний командования. Это показывает, насколько щекотливым и опасным считает этот вопрос верховное командование финской армии.

Весьма характерно также то, что средние командиры финских войск в ряде случаев в 1942 г., когда они хотели вести своё подразделение на операцию по занятию определённой позиции, всячески старались скрывать от своих солдат наступательный характер операции (уверяли, например, что данная высота вовсе не занята советскими войсками). Такие факты выявлены из показаний финских военнопленных.

Летом 1942 г. в Финляндии подсчитали, что количество солдат, отбывающих в тюрьмах наказание за отказ ити в наступление, составляет 11 тыс. Однако многих из этих заключённых обычно через непродолжительное время снова привозят на фронт, либо на передовые позиции, либо в штрафные батальоны.

Было бы, однако, преувеличением сделать из вышеприведённых фактов такое заключение, что в финской армии нет больше никакой дисциплины. Нет, правильнее будет сказать: дисциплина в её рядах ослаблена и не выдерживает сильного испытания, но в определённых пределах она ещё сохранила свою действенность. Финская армия значительно утратила свою наступательную способность, но нельзя сказать, что она вообще потеряла свою боеспособность. Недовольство, широко распространённое в её рядах, пока большей частью выражается не в активных формах, а в словесных излияниях в солдатской среде.

Конкретные темы для таких излияний разные. Например, много сердитых слов вызывали нередкие случаи, когда шюцкоровцы или другие «патриотические» шкурники, используя всякие скользкие пути (взятки, членовредительство и т. п.), добивались освобождения от службы на фронте. Ещё больше в солдатской среде слышно проклятий по адресу «злых начальников» или «подлых исправников». Финский солдат, как правило, делит своих командиров и начальников на две категории: «мирных» и «злых». Последние — это воинствующие командиры, которые подражают методам немецкой муштры и «гонят в наступление». По показаниям финских военнопленных, некоторые из «злых» офицеров (капитан Илэнен и др.) были пристрелены своими солдатами во время наступательной операции, а некоторые другие подвергались солдатами коллективной порке. Но таких случаев солдатской «самодеятельности» до сих пор было мало.

Средний финский солдат, выражая недовольство войной, до сих пор мало активен. Его недовольство ещё не боеспособно. Чем объяснить это явление?

В известной мере оно объясняется силой и жестокостью государственного аппарата подавления народа. В такой стра-

не, как Финляндия, где господствующая плутократия в течение четверти века всю свою контрреволюционную власть строила на насильственном подавлении недовольства рабочих и бедных крестьян, имеется не только в тылу, но и на фронте, в армии, большой и многосторонне развитый аппарат для терроризирования недовольных. Для этой цели специально подготовлены не только фашистские офицерские кадры и шюцкоровцы, но и большинствоunter-офицеров плюс десятки тысяч специально обученных войсковых полицейских и сыщиков. Против всей этой черносотенной своры не решаются восставать разрозненные группы политически сознательных солдат, пока широкая солдатская масса ещё не идёт на это; солдатская же масса восстанет только тогда, когда её возмущение усилятся до ярости или когда изменение военной и политической обстановки хотя бы частично парализует дееспособность правительственного аппарата насилия. В данный момент ни того, ни другого ещё нет.

Но это объясняет не всё. Большинство финских солдат боится не только насилия властей и не только голодной смерти, которой власти в тылу могут подвергнуть их семьи,— они боятся даже политической правды о войне. Они не обвиняют в войне советское правительство, как это делает правящая клика Финляндии, но они не обвиняют также и финское правительство. Они, как правило, никого не обвиняют в войне. В солдатских письмах постоянно повторяются жалобы на войну, но почти никогда в них нет жалоб на виновников войны, как будто они совсем не видят виновников войны.

Что это? Невежество, политическая темнота, отсталость? Нет, не только это. Конечно, уровень политического сознания у широких масс трудящихся Финляндии весьма невысок. Но нет сомнения, что финские солдаты все-таки многое знают о виновности Гитлера и финского правительства в этой войне. Почти каждый средний финский солдат, попадая в советский плен, оказывается здесь способным в основном правильно установить виновность гитлеровцев и финских правящих кругов. Но пока он находится на финской стороне фронта, в своих письмах к родным и знакомым он говорит о войне, как горемыка, без малейшего намёка на то, что там, в тылу, сидят виновники войны, которых следует осудить и против которых нужно бороться, чтобы добиться прекращения войны. В сотнях и тысячах писем финских солдат повторяется жалкая фраза: «Тут ничего не поделаешь».

Это свидетельствует о том, что люди терроризированы не только фашистским насилием, но и фашистской пропагандой:

они не смеют думать своей головой. Некоторые бойкие солдатские жёны в своих ответных письмах с тыла так и характеризуют этот факт и довольно жёстко бичуют беспомощное оханье своих мужей на фронте, прямо стыдят их за пассивное страдание и бесконечное терпение.

С этим связано также следующее явление, нередко наблюдаемое как в тылу, так и на фронте. Когда рядовой человек где-либо в присутствии других выражает недовольство по конкретному поводу, то стоит только какому-либо фашистскому прохвосту обозвать его «изменником страны» или «пособником большевиков», как он сразу умолкает, а окружающие, хотя и согласны с ним, обычно не выступают с поддержкой его. Люди знают, что это излюбленный метод фашистов для политического терроризирования угнетённого народа, но они легко поддаются этому. Очевидно, в их психологии осталась от старого национализма пониженная сопротивляемость по отношению к шовинистической чуме, и фашисты эту их слабость нахально используют в своих целях.

Со временем, конечно, и это фашистское оружие политического терроризирования масс потеряет своё стриё. На Фронте не меньше, чем в тылу, растёт теперь политическая смелость измученного финского народа, смелость, необходимая ему для успешной освободительной борьбы против его немецких и финских поработителей.

Как утверждают осведомлённые об этом лица, в начале войны в Финляндии нашлось 35 тыс. рабочих настолько «неблагонадёжных», что правители страны решили их не призывать в армию. С тех пор количество сознательных и решительных противников нынешнего правительства намного возросло и, без всякого сомнения, в этом году возрастёт ещё больше:

3. Ненависть и борьба народа Карело-Финской ССР

Известно, что финские захватчики, вторгнувшись на территорию Карело-Финской ССР, пытались обмануть карельское и финское население нашей республики старой националистической маскировкой, пытались снова, как и два десятка лет до этого, подкрасться к нему в овечьей шкуре.

Но эта коварная попытка с позором провалилась. Карельское и финское население нашей республики сразу узнало в финских фашистах тех же кровожадных поработителей, которые уже двадцать с лишним лет тому назад протягивали свои хищные когти сюда через финляндскую границу. И в этот раз ещё более решительно, более единодушно, чем в годы

гражданской войны, карело-финский народ взялся за оружие, чтобы разбить наголову бандитов-захватчиков.

В рядах Красной Армии и в партизанских отрядах карельцы и финны рука об руку с русскими товарищами героически сражаются против маннергеймовских войск. В тылу Красной Армии, на промышленных предприятиях и колхозных полях нашей республики, карельское и финское население так же самоотверженно, как и русские, как советские люди всех национальностей, направляют свои трудовые усилия на поддержку фронта. В тех же районах Карело-Финской ССР, которые врагу удалось временно захватить, вообще осталось немного населения, а это население в целом, не считая отдельных наймитов — агентов врага, оторванных от масс населения, показало свою глубокую ненависть как к финским, так и к немецким оккупантам и свою непоколебимую преданность советскому отечеству.

Иного отношения нельзя было и ожидать со стороны карельского и финского населения нашей республики, которое от советской власти получило все условия для свободной и счастливой жизни.

Датский писатель и военный корреспондент Херсхольт Гансен в недавно опубликованной книге «По следам войны», несмотря на свою дружбу с белофиннами, не смог скрыть своего удивления по поводу замечательных достижений народа Карелии в экономическом и культурном развитии при советской власти. В то же время автор вынужден признать факты варварского разрушения культурных ценностей и бесцеремонного ограбления населения оккупированных районов Карелии финскими захватчиками. Он пишет в своей книге, между прочим, следующее:

«Я имел возможность ознакомиться с колхозами, где оставшиеся крестьяне вынуждены питаться только картошкой и солью; они не могли добиться даже хлеба от захватчиков, которые, несмотря на это, называют себя их освободителями. Крестьяне страшно голодают. Я сомневаюсь, чтобы кому-нибудь удалось убедить их, что они освобождены. Их запасы были реквизированы и использованы финской армией, у которой они вынуждены теперь клянчить соль и картофель».

В другом месте своей книги автор приводит следующее наблюдение:

«Ничто не произвело такого глубокого впечатления на финских солдат, как то, что народ, который «освобождён» по приказу Маннергейма, знать ничего не желает о финнах».

Шведская печать также констатировала полное разочарование финских фашистов в их обманной игре на «соплеменных чувствах» национального населения в Карело-Финской республике. Так, например, газета «Гетеборгс Постен» писала

12 декабря 1942 г., что для многих белофиннов было «горьким разочарованием увидеть карела, с воодушевлением сражающегося на стороне русских против Финляндии, узнать, что партизанами, особенно беспокоящими финнов, являются карелы». К этому газета ещё добавила, что «финны ни на мгновение не почувствовали, что они приходят в роли освободителей, как надеялись многие из них».

Заправили Финляндию уже *перестали* разглагольствовать об «освобождении» карелов и, таким образом, молчаливо признали факт полного провала своей национальной демагогии в Советской Карелии. Но они не перестали грабить и терзать население Карелии, разрушать её города и сёла. В каких-либо иных формах так называемая «культурная миссия» финских захватчиков на территории Карело-Финской ССР не проявлялась и не проявляется. В этом может убедиться любой иностранный наблюдатель, взглянув хотя бы на город Петрозаводск, чтобы узнать, до какого безобразного состояния белофинская администрация за полтора года довела эту цветущую, культурную столицу нашей республики: разрушены культурные памятники и все лучшие здания, фабрики и заводы, обезображенны прекрасные улицы и красивые сады города. Всё разрушили белофинны, ничего не построили. Наш советский Петрозаводск имел несколько театров и большой концертный дворец филармонии, университет и другие высшие учебные заведения, замечательный дворец пионеров, десятки школ и библиотек, много клубов и много хороших магазинов. В настоящее же время в городе имеется один кинотеатр для маннергеймовцев, 4 магазина, 6 концлагерей и большой дом терпимости — вот всё, что и нужно для удовлетворения «культурных» потребностей белофинских представителей «нового порядка».

Даже шведские газеты, отнюдь не желающие портить дружеских отношений с заправилами Финляндии, выражают своё удивление по поводу того, что финские захватчики, орудуя на территории Советской Карелии, всё ещё продолжают подражать худшим методам немецких фашистов. Так, например, газета «Дагенс Нюхетер» (14.V.1943 г.) писала:

«Предполагали, что после первого, богатого иллюзиями завоевательного периода финны займут менее экспансионистскую позицию, что знакомство с населением Восточной Карелии настроит их более скептически, а неопределённые военные перспективы продиктуют им большую осторожность, особенно в отношении методов, применяемых некоторыми великими державами (т. е. Германией и Италией) в оккупированных странах. Но шведские наблюдатели не выцели такого впечатления. Неужели финские административные власти поражены слепотой, неужели они не понимают, что эта грубая манера подражать большому союзнику может лишь причинить ущерб их нации?»

Шведская газета, как видно, говорит лишь в завуалированной форме о «грубой манере» белофинских властей подражать методам гитлеровской Германии. Но какие варварские дела и сколько злодейских преступлений скрывается под этим дипломатическим покровом!

По образцу немецких фашистов и белофинны заставляют русских жителей носить позорные отличительные знаки. По примеру гитлеровских мерзавцев они насилиют советских женщин. По образцу гитлеровцев они ввели в практику жестокие телесные наказания, публичные порки. Зафиксированы десятки случаев, когда умирающих от голода советских людей пороли за то, что они пытались перекапывать своё картофельное поле в поисках клубней.

По образцу гитлеровцев и финские оккупанты организовали концентрационные лагери, где тысячи мучеников томятся за колючей проволокой. В Петрозаводске около 90% оставшихся в городе жителей были брошены в концентрационные лагери. Этих голодных, истощённых людей избивают и заставляют выполнять тяжёлую работу в течение 14—16 часов в сутки. Многие, конечно, долго не выдерживают таких мучений. В лагере, расположеннном в местечке Северная точка (недалеко от Петрозаводска), не осталось почти ни одного человека, который не был бы избит. Бежавший из лагеря на Кукковке Юрьев рассказывал, что в этом лагере уже много людей умерло от голода и побоев. За колючую проволоку лагерей загнаны даже дети, которых заставляют выполнять непосильную работу.

Таким образом финские фашисты, по примеру гитлеровских людоедов, систематически уничтожают коренное население, оставшееся в захваченных ими районах. Многих из советских граждан они уже убили, часть населения вывезли в рабство в Финляндию, остальных морят голодом и подвергают нечеловеческим пыткам.

Самое подлое и омерзительное у фашистов это, как известно, их злодейская жестокость, проявляемая в истязании своих беззащитных жертв. Этой бандитской подлостью отличались финские изверги *лахтари* («мясники», как их называли революционные рабочие Финляндии) ещё в годы гражданской войны во время их разбойничьих походов в Советскую Карелию. В период финско-советской войны 1939/40 г. были обнаружены многочисленные факты исключительного варварства и зверства со стороны белофиннов к раненым и попавшим в плен красноармейцам. Тов. Молотов на шестой сессии Верховного Совета СССР приводил следующие примеры:

«Так, когда в одном из районов севернее Ладожского озера финны окружили наши санитарные землянки, где находилось 120 тяжело раненных, все они были уничтожены белофинами, часть их сожжена, часть найдена с разбитыми головами, остальные заколоты или пристрелены. Несмотря на наличие смертельных ран, значительная часть погибших здесь, как и в других местах, имела следы пристрелов в голову и добивания прикладами, а часть убитых огнестрельным оружием имела ножевые раны, нанесенные финками в лицо. Некоторые трупы были найдены с отрубленными головами и головы не были обнаружены. В отношении попавших в руки белофинов женщин-санитарок применялись специальные издевательства и невероятные зверства. В некоторых случаях трупы убитых представлялись к деревьям вверх ногами».

В нынешней войне таких фактов чудовищного зверства белофинов было еще больше. Так, например, установлено, что в городе М., где в руки вторгнувшихся финских войск попали 4 красноармейца, одному из них тяжело раненному фашистские мерзавцы раскололи череп камнем, остальных раздели донага и расстреляли. С другого участка Карельского фронта командиры подразделения Красной Армии Загородный, Кононов, Перфильев и другие сообщали, что после того как подразделению удалось вернуть занятую белофинскими войсками Н-скую сопку, они обнаружили зверски истерзанные трупы двух советских бойцов — младшего командира Кротова и комсомольца Авершина. У Кротова были отрезаны уши, губы и изрезана грудь, у Авершина — отрублены на ногах пальцы, выколоты глаза, изуродовано лицо. Повязки на трупах говорили о том, что оба были захвачены ранеными.

Таких омерзительных зверств на счету финских фашистов много. Достаточно привести еще один пример. В марте 1943 г. финское командование направило в наш тыл с диверсионными целями батальон отборных головорезов, которые, однако, после первого столкновения с советскими бойцами, потеряв 125 убитыми и 30 пленными, быстро убежали. Но среди невооруженных мирных жителей эти бандиты успели оставить чёрную память о своей маннергеймовской «храбрости». Это удостоверено в акте, составленном 19 марта на месте преступления политруком А. С. Кубачевым, техником-лейтенантом А. Ф. Бережковым и др. В этом акте говорится:

«16 марта 1943 г. банда белофинов, отступающая под ударами подразделений Красной Армии, зверски замучила работницу Вдовицу Августину Павловну. Белофинны нанесли ей сквозные ножевые раны в левую грудь и грудную клетку. Голова была в упор прострелена автоматной очередью. Нанесены еще четыре пулевые раны в другие части

тела. Белофинские изверги дошли до такого зверства, что произвели выстрел в половой орган. Поиздевавшись над советской девушкой, белофинны бросили её труп под машину и скрылись».

Вот в каких кошмарных злодеяниях на территории нашей Карело-Финской ССР показывает свою подлинную натуру финляндская белогвардейщина, которая устами правителей Финляндии выступает в роли поборника «европейской культуры» и «западной цивилизации». Совершенно ясно, что такие фашистские зверства систематически поощряются и культивируются в рядах финской армии верховными властями Финляндии. Прежде всего ответственны за эти злодейские преступления нынешние правители Финляндии, и отнюдь не в меньшей степени, чём непосредственные исполнители их воли.

Глубоко ошиблась шайка Маннергейма — Рюти — Линкомэс, рассчитывавшая своими фашистско-бандитскими методами обездолить наш советский народ и сломить силу его сопротивления. Это не вышло. Получилось совершенно иное: поднялась несокрушимая лавина всенародного гнева против фашистских дьяволов, ворвавшихся в дом свободных советских людей.

Злодеяния финских, как и немецких захватчиков вызвали у всех слоёв народа Советской Карелии священную ненависть к фашистским захватчикам, разожгли сильную военную страсть. Борьба действующих в тылу финской армии советских партизан, наших героических народных мстителей, развёртывается всё с большей силой. На фронте наши бойцы и командиры рвутся в бой, чтобы сокрушить подлого, ненавистного врага. Трудящиеся в тылу Красной Армии с невиданной самоотверженностью работают на поддержку фронта.

Ещё осенью 1941 г. и в начале 1942 г. войска немецких и финских захватчиков, стремившиеся прорваться к Белому морю и Мурманскому, перерезать Кировскую ж.-д. магистраль, в упорных боях были обескровлены и становлены Красной Армией. Уже с декабря 1941 г. они ни на одном участке Карельского фронта не в состоянии продвинуться вперёд.

Нет никакого сомнения в том, что эта Отечественная освободительная война советского народа будет всё больше усиливаться. После первых месяцев войны, после внезапных ударов вероломного врага вся великая советская страна и вместе с ней Советская Карелия стала и становится всё сильнее как на фронте, так и в тылу. Охваченные ненавистью к фашистским поработителям и пламенем любви к советской родине, трудящиеся Советского Союза не оставят дело разгрома врага на полпути.

4. Растираинность и распри в правящем лагере Финляндии

Все военные планы заправил Финляндии были построены на иллюзиях об ожидаемой ими победе гитлеровской Германии над народами СССР, Англии и других свободолюбивых стран; но в ходе войны эти иллюзии рухнули одна за другой.

В августе и сентябре 1941 г. иллюзии правящих кругов Финляндии были на вершине. В то время, например, один из правительственные органов, «Хельсингин Саномат», писал, что «последним советским войскам угрожает теперь окружение и уничтожение». Другой правительственный орган, «Ууси Суоми», утверждал, что во всяком случае «война кончится до наступления зимы», и главный обозреватель финляндского радио заявил в сентябре 1941 г., что «окончательные расчёты с русскими будут произведены в ближайшие дни». В декабре же 1941 г., после первых мощных контрударов Красной Армии, тон хельсинкских громкоговорителей уже значительно понизился. Даже Маннергейм ничем иным не мог утешить свои войска, как только увещеванием, что «если выдержим до весны», то тогда «всё будет выиграно».

Весной и летом 1942 г. в Хельсинки поднялась новая волна иллюзий о мнимой «неотразимости» якобы «решающего наступления» немцев на советско-германском фронте. Каждое сообщение о временных успехах немецких войск, исходящее из Берлина, на воздушном пути к Хельсинки ещё больше раздувалось и печаталось аршинными буквами на страницах финских газет. Согласно этим газетным сообщениям, в сентябре Сталинград был уже «окончательно занят» немцами, Советский Союз якобы был уже «лишён кавказской нефти» и т. д. «Поскольку человеческий разум может судить, — заявил военный обозреватель газеты «Хельсингин Саномат» 16 сентября 1942 г., — то последний час большевиков теперь пробил». Ослеплённые хвастовством немцев и своим собственным авантюризмом, хельсинкские холопы Гитлера потеряли всякое реальное понятие о могучей ударной силе Красной Армии, которую они основательно испытали на себе уже в зимних боях 1940 г.

Легко представить себе, что, когда через несколько недель эти до крайности раздутые иллюзии вдруг лопнули, эффект был тем более потрясающим. Говорят, что во время мощного наступления Красной Армии в районе Сталинграда во всех правительственные зданиях Хельсинки чувствовалось что-то вроде землетрясения.

У микрофона финляндского радио обычный дерзкий лай

президента Рюти моментально превратился в трусливое поизгивание. Он скулил:

«Финляндия нынешних дней вынуждена переживать эпоху трудностей, страданий... Но у нас не было возможности выбирать. Ход событий направляется логикой судьбы...»

«В дальнейшем ходе войны не исключены неожиданности... Огромные события окажут влияние и на Финляндию. Военное счастье может изменить...»

Прошли месяцы, пока господин Рюти опомнился от испуга, да и то не полностью.

Между тем правительство, обеспокоенное усиливающейся внешнеполитической изоляцией Финляндии, командировало в Швецию одного финского министра за другим, для того чтобы в беседах и выступлениях отрицать великофинляндские планы правительства, провозгласить желание сохранить дипломатические отношения с Соединёнными Штатами и просить от Швеции очередную подачку в виде кредитов и военных материалов.

В то же время в финской печати открыли дискуссию по вопросу о возможности «выхода Финляндии из войны». Но сразу же обнаружилось, что это делается лишь для отвода глаз финского народа и иностранных наблюдателей, без малейшего намерения прекратить участие Финляндии в захватнической войне Гитлера. Правители Финляндии просто хотели немножко помахать белым флагом мира, чтобы отвести от себя растущее недовольство народа войной и дать своим адвокатам в англо-саксонских странах фиктивный повод хлопотать на случай поражения Германии о снятие ответственности финляндского правительства за сообщничество в войне Гитлера.

Насколько далеки правители Финляндии от намерения на деле отойти хотя бы на иоту от своего сообщничества в кровавой авантюре Гитлера, показывает следующий факт. Весной 1943 г. в Финляндию притащились жалкие остатки разбитых на Северном Кавказе финских батальонов, сражавшихся там в рядах германской армии. Из посланных Финляндией свыше 100 тыс. отборных головорезов («финских СС») уцелело лишь человек 500 (наверно, первоклассные бегуны на длинные дистанции). Их торжественно встретили на параде в Тампере; председатель финляндского сейма приветствовал и напутствовал этих недобитых. Но оказалось, что сами «герои» по горло сыты войной, во всяком случае войной на восточном фронте. Их уговаривали после «отпуска» вернуться в Германию, но большинство из них никаким уговорам не поддаётся. А между тем Гитлер, по сообщению шведской

печати, требует от финского правительства обязательного восстановления исчезнувших финских батальонов на южном фронте, требует поставки пушечного мяса в прежнем количестве. И финское правительство, конечно, не отказалось. Оно решило организовать новую вербовку добровольцев для мясорубки берлинского палача. Если же оно не найдёт добровольцев в Финляндии, несомненно, оно пошлёт насильственно, хотя бы в цепях, соответствующее количество финских голов на убой по берлинскому этапу.

Последняя реорганизация финского правительства ещё более убедительно говорит об отсутствии всякого намерения у правил Финляндии изменить свой курс в фашистской войне. Премьером вместо Рангеля стал Линкомиэс, главарь Коалиционной партии. Среди других политических вожаков финской плутократии Линкомиэс всегда отличался своим крайне ярым шовинизмом и особенно свирепой реакционностью. Он всегда потворствовал лапуаским молодчикам из партии ИКЛ и за кулисами направлял их преступную деятельность в желаемое для господствующей плутократии русло. Он один из главных доверенных лиц Гитлера в Финляндии, один из наиболее ответственных зачинщиков нынешней войны. Таким образом, смена премьер-министра означает, что место мелкого фашиста на этом посту занял более крупный фашист. На пост министра иностранных дел был поставлен вместо сильно скомпрометированного агента немцев Виттинга более ловкий дипломат Рамзей, которому поручено продолжать прежнюю игру, но меньше раскрывать свои карты. Министром внутренних дел сделали заядлого реакционера Эрнрота, который раньше долгое время работал секретарём союза предпринимателей Финляндии, а затем в кругах Лиги наций занимался антисоветскими интригами. Вальден, «бумажный король Финляндии», остался военным министром, и Таннер, который также пользуется неизменным доверием Гитлера, остался министром финансов.

Понятно, что Берлин был доволен такой реорганизацией финского правительства. И правители Финляндии, прислужники Гитлера, которые в декабре — январе сильно испугались и поджали хвост, вновь подняли его вверх. Но уже без прежней уверенности, без надежды на победу.

Все их стремления теперь направлены на то, чтобы избавиться от ответственности за свои преступления, сохранить власть в своих руках и сохранить хотя бы часть захваченной ими советской территории. Для этого они продолжают воевать в качестве подсобной силы гитлеровской Германии и в то же время всячески стараются обмануть общественность Америки,

Англии, Швеции. Во внутренней же политике они усиливают меры для террора и обмана финского народа.

С величайшей тревогой нынешние правители Финляндии волят об опасности «разрушения национального единства». Но между тем разногласия и распри распространяются даже в лагере сторонников правительства. Об этом заявил премьер Линкомиэс (12.V.1943 г.):

«Только в течение этого года появились с разных сторон обстоятельства, показывающие отсутствие сознания того, насколько важно для нас сохранение единства».

Лжёт он, что такие «обстоятельства» у них появились только в течение нынешнего года. Ведь даже Рюти ещё в октябре 1942 г. заявил в своём выступлении по радио, что «вновь возникают прежние разногласия». И ещё до этого (7.VIII. 1942 г.) социал-демократический орган правительства напечатал статью, в которой говорилось:

«Тот, кто что-либо производит или продаёт, пытается выжить как можно большую прибыль. Это стремление является у нас повсеместным, и если власти пытаются что-то против него предпринимать, то производители грозят, что они не будут больше ничего производить. Они говорят, что продукция приносит недостаточную прибыль... Хвалёное единство нашего народа распадается автоматически».

В чём тут дело? Неужели орган финской социал-демократии вдруг стал выступать против крупных «производителей» — капиталистов? Нет. Под «производителями» газета имеет в виду крестьян, а не капиталистов-плутократов. Все её излияния относятся к спору, ведущемуся между двумя правительственными партиями — Земледельческим союзом и социал-демократической партией — о ценах на сельскохозяйственные продукты. Представители Земледельческого союза требуют повышения цен на эти продукты, социал-демократы выступают против. Спор этот тянется уже давно. Время от времени министры то одной, то другой партии угрожают из-за этого вопроса выйти из состава правительства, но не выходят.

Наконец, правительство решило удовлетворить требование Земледельческого союза в такой форме: землевладельцам, продающим сельскохозяйственные продукты, выплачиваются из государственных средств дотации в размере полутора миллиардов марок, а для покрытия государственных расходов повышается поимущественный налог на 1%. Несмотря на это, спор продолжается. Лидеры социал-демократической партии травят крестьян, а лидеры Земледельческого союза травят рабочих. Ясно почему: потому, что и те и другие хотят отвлечь растущее недовольство рабочих и крестьянских масс от самого «опасного» русла, направленного против господствующей

плутократии и её правительства. В этом суть дела. Установление единства народа не только недостижимо для нынешнего правительства, но представители самого правительства, как видно, вынуждены разрушать складывающееся единство народа, так как оно своим остриём направляется именно против правительства. Этого единства народа они как раз и боятся.

Конечно, среди сторонников финского правительства имеются и более серьёзные разногласия. Об этих разногласиях писала, например, шведская газета «Дагенс Нюхетер» (25.VII. 1942 г.):

«Всякий, знающий обстановку в Финляндии, может подтвердить, что отношения между сторонниками программы завоевания великой Карелии и теми, кто стоит за осторожную оборону, напряжённые и с лёгкостью могут ещё больше обостриться».

Очевидно эта шведская газета, говоря о сторонниках «осторожной обороны», имела в виду прежде всего определённые круги партии финляндских шведов. Их постоянно запугивают газеты гитлеровской партийной агентуры ИКЛ. Например, газета «Аян Сунта» писала 29 ноября 1942 г.:

«Шведская еврейская печать даёт инструкции, на основе которых, кажется, работают финляндские шведы. Можно полагать, что они сотрудничают с этим вторым фронтом как раз по вопросам нынешней войны. С помощью этого фронта хотят ослабить врага России, Финляндию».

Этим нахальным тоном финская агентура Гитлера обычно заставляет оппозиционно настроенных шведов замолчать. Кроме них имеются и в других правительственные партиях люди, которые достаточно понимают опасный авантюристический характер правительственного курса продолжения фашистской войны, однако ничего не делают для изменения этого курса.

Для всей оппозиции в лагере правительственные партии характерна политическая трусость. Например, когда окончились полномочия президента в феврале 1943 г., лишь 23 человека из выборщиков выражали своё несогласие с переизбранием гитлеровского лакея Рюти, но даже они не осмелились выразить это голосованием против, а лишь воздержались от голосования.

Эта «оппозиция» боится даже своей собственной тени. Она, правда, опасается последствий военной авантюры клики Рюти — Линкомиэс — Маннергейма, но ещё больше она боится мешать этим агентам гитлеризма в деле продолжения их авантюры. Ибо больше всего она боится разрушения «внутреннего фронта», т. е. своего единого фронта с правящей кликой. Эта «оппозиция» даже во сне не собирается опираться на народные массы, чтобы начать серьёзную борь-

бу против преступного правительства, ибо она сама боится народа и поэтому избегает каждого шага, который мог бы поощрять рост недовольства и активности финского народа.

Социал-демократические лидеры профсоюзов также выступили в мае 1943 г. со своего рода платформой «лойальной оппозиции». Но это не оппозиция, а просто жулики. Беспокойство перед ростом возмущения рабочих масс против войны и гитлеровской политики правительства заставляет профсоюзное руководство путём словесного отмежевания от этой политики искать некоторого прикрытия для своего фактического сообщничества в этой преступной политике. Оно действует целиком по указке нынешнего правительства и в частности Таннера, продавшегося Гитлеру и финским фашистским плутократам, или, говоря более вежливыми словами одной шведской газеты, «посвятившего себя делу военной политики и её маскировке».

Но внутреннее разложение будет неизбежно развиваться в правящем лагере Финляндии. Не может быть единства среди разбойников, говорил гениальный Ленин. И разногласия, конечно, не укрепляют, а ослабляют фашистский лагерь в Финляндии. Но также ясно и то, что фашистская власть не рухнет от своих внутренних разногласий, как и от своих экономических затруднений. Она разлагается и гниёт, но не развалится, пока её не развалят.

Только путём решительной борьбы финский народ может спасти себя от гитлеровской чумы.

5. Обречённость фашистской авантюры

Уже два года воюет Финляндия в качестве подсобной силы фашистской Германии за установление гитлеровской тирании над народами Европы. За эти два года соотношения сил воюющих сторон настолько изменились, что сегодня уже совершенно ясна обречённость разбойничьей войны гитлерцев и их сообщников. Героизмом воинов Красной Армии и стратегическим гением её Верховного Командования были разрушены завоевательные планы хищников-поработителей, и скоро Советский Союз совместно с другими свободолюбивыми странами окончательно разобьёт этих злых врагов всего человечества.

Осенью 1941 г., когда финляндское правительство подписало в Берлине пакт о присоединении Финляндии к так называемому «антикоминтерновскому блоку», финские газеты воскликнули: «Финляндия стала гайкой оси!»

Ныне не стоит и спрашивать: выдержит ли эта гайка? Ибо

вопрос поставлен уже о том, долго ли выдержит ось? И абсолютно все разумные люди в мире отвечают на этот вопрос,— не долго.

Спустя год, осенью 1942 г., одна из газет финских агентов Гитлера, «Ууси Эуропа» («Новая Европа»), писала, что «если руководители Финляндии останутся на теперешней позиции соратников великой Германии, то тогда у нас не будет забот».

Они остались на той же позиции, но, как мы видели, уйма тревожных забот накопилась у них. Вся их политика обанкротилась. За все преступные деяния им предстоит ответить головой.

Участие Финляндии в разбойничьей войне Гитлера является для финского народа величайшим несчастьем и величайшим позором его истории.

Надо надеяться, что финский народ скоро найдёт в себе достаточно сил и мужества, чтобы своей решительной борьбой за свержение власти бандитской своры агентов гитлеризма смыть с себя позор антисоветской войны.

Это — дело чести финского народа.

С этим связан и основной вопрос: жизненные интересы самого финского народа, как и интересы советского народа, требуют создания надёжных гарантий того, чтобы больше никогда не могло повториться вероломное нападение Финляндии на советскую территорию, чтобы финский народ имел возможность в будущем жить не во вражде, а в мирном соединении с великим советским народом.

15 августа 1943 г.

1 рубль